

Алексей Мерцалов

Бист Вилах
История одного Историка.
Книга вторая

Алексей Мерцалов

**Бист Вилах. История одного
Историка. Книга вторая**

«Издательские решения»

Мерцалов А.

Бист Вилах. История одного Историка. Книга вторая /
А. Мерцалов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905392-3

20-е годы XX века. Поиски маньяка заносят главного героя из заснеженной Москвы в Средневековую Францию времен Столетней войны. Сквозь время ему открываются великие загадки истории. Одной из них станет одна из самых зловещих тайн российской истории начала XX века, которая неожиданно переплетется с жизнью главного героя.

ISBN 978-5-44-905392-3

© Мерцалов А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1,	6
Глава 2,	10
Глава 3,	26
Глава 4,	34
Глава 5,	39
Глава 6,	43
Глава 7,	47
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Бист Вилах

История одного Историка. Книга вторая

Алексей Мерцалов

Корректор Вера Вересиянова

Редактор Арсений Замостьянов

Иллюстратор Сэм Ирицян

© Алексей Мерцалов, 2019

© Сэм Ирицян, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4490-5392-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1, в которой историк становится наместником

Внезапно коридор исчез, и вокруг стремительно разлилось облако яркого света. Мощными толчками сознание вернулось в тело. Лёгкие содрогнулись, а из уст вырвался безудержный вопль. Однако боли не было – лишь судорога, подобная предсмертной агонии, и холод, какой чувствуют дети, едва появившись на свет. Затем глаза внезапно распахнулись, и Дариор увидел перед собой странное, довольно мрачное место.

В небе призрачно кружили вёроны, осыпая землю своим надменным криком. Вокруг раскинулись серые камни и плиты, покрытые мхом, а чуть в отдалении простиралось целое море земляных холмиков, припорошенных полями фиалок. Похоже, историк очутился посреди кладбища. Да-да! Вокруг не было ни памятных трущоб, ни оврага, ни самого Бист Вилаха – лишь серо-зелёные валуны и надгробия. Дариор, словно во сне, протёр глаза, но наваждение не исчезло, а лишь приобрело более чёткую форму. Где же Москва? Где улицы? Куда исчезла зима? Историк нервно метался вдоль могил, пытаясь найти разумное объяснение. Но всё вокруг лишь распаляло его недоумение.

На отшибе перед кладбищем шумели кроны могучих дубов, а из-за них показалось солнце. Оно окутало землю тёплыми лучами, согрело камни, рассеяло туман, и даже могилы внезапно преобразились под столь щедрым небесным даром. Однако Дариору от этого легче не стало. Усилием воли он приказал себе не впадать в отчаяние. Безусловно, этому имелось некое логическое объяснение. Возможно, маньяк перетащил историка сюда, пока тот был без сознания. Или же он сам добрёл до кладбища, находясь во власти какого-то дьявольского снадобья. Дариор ещё раз приказал себе успокоиться и вновь торопливо огляделся.

Прямо перед ним возвышался величественный склеп с высеченной над дверью надписью: «Симон де Метц. Честь и почёт славному роду!». Должно быть, это какое-то древнее кладбище, оставшееся ещё со времен Средневековья. Но откуда же в России захоронение французского дворянина? Случайность? Или...

Дариор бросился к соседнему саркофагу, выругался и побежал к следующему. Но и там его ждало горькое разочарование. Во всех трёх саркофагах покоились рыцари из старинных французских родов. В душе историка заскреблась кошка. «Вот так напасть!» – подумал историк. Лучше бы он остался в штаб-квартире.

И тут произошло нечто ещё более невразумительное.

– Сир, они приближаются! – пронёсся над пустошью звонкий голос и, вспугнув угольных воронов, эхом вернулся обратно.

Дариор круто развернулся и привычно дёрнул руку к поясу, но вместо нагана почему-то обнаружил там эфес¹ меча. Это был калёный бастард², запелёнатый в роскошные ножны из алого бархата. Сами ножны крепились к не менее роскошному поясу, затянутому вокруг чёрно-белого одеяния. По душе историка снова прошла когтистая лапа. Только сейчас он заметил, что одет не в привычное пальто, а в самое настоящее сюрко и лёгкую кольчугу. На ногах оказались тяжёлые сапоги из грубой кожи, а кисти венчали серебряные наручи. Что ещё за маскарад? На кой чёрт Бист Вилаху понадобилось переодевать историка, прежде чем тащить на кладбище?

– Сир?

¹ Эфес – элемент меча, включающий в себя рукоять и гарду.

² Бастард – полуторный меч.

В десяти шагах от Дариора стоял крепкий паренёк в забавной кожаной накидке. Его длинные светлые волосы разметались по голове, но сам он не придавал этому значения. Под уздцы юноша держал пегого коня, изредка поглаживая его по морде.

Дариор озабоченно воззрился на юнца, затем пару раз огляделся в поисках подвоха и лишь затем спросил:

– А ты кто?

Глаза юноши изумлённо поплыли ко лбу.

– Не понимаю вашего вопроса, сир. Дозвольте услышать его ещё раз.

Слова его лились со странной растянутой интонацией, и Дариору на миг подумалось, что его дурачат. Он начал злиться, постепенно выходя из себя.

– Ты кто такой, чёрт тебя возьми? Где мы? Я смотрю, у тебя тоже меч имеется? У вас что здесь, карнавал намечается?

Парень тревожно огляделся. В его взоре читались неподдельное изумление и даже испуг. Неловко и скованно он сделал пару робких шагов навстречу Дариору. Подошёл ближе и заглянул в глаза:

– Мой сир, вероятно, вы устали с дороги? Не угодно ли продлить время привала?

Теперь уже насторожился Дариор и, похоже, ещё больше, чем его странный собеседник.

– Так... – сказал он с наигранным спокойствием. – Какой сейчас год?

Юноша непонимающе воззрился на историка. И, похоже, его изумление было правдивым. Так искусно подделывать чувства могут разве что профессиональные актёры, но вряд ли здесь, в лесу, на каком-то брошенном кладбище мог встретиться таковой. Однако если это действительно не какой-то глупый розыгрыш, то, что тогда? Дариор не на шутку разволновался.

– Где мы? – насторожённо спросил он.

С лица юноши так и не спало удивление, однако на этот раз он ответил прямо:

– Мой сир, мы на родовом кладбище рыцарей-госпитальеров.

«Мой сир»? «Госпитальеры»? Все эти слова разом промелькнули в сознании Дариора. Нет, это точно не представление!

– Что мы здесь делаем? – историк решил зайти с другой стороны.

– Мой сир, вы повелели навестить склеп отца, прежде чем взять бразды правления замком Вильфранш.

Последние слова паренька утонули среди шума первых. Склеп отца? Дариор принялся бешено озираться. Вопросы безумным хороводом кружили в его сознании.

– Где он?

– Сир?

– Где склеп отца, чёрт тебя раздери?! – Дариор в эту минуту был настолько грозен, что юноша даже отступил на шаг.

– Склеп позади вас, мой сир, – робко и удивлённо ответил он.

Дариор обернулся и узрел каменное сооружение, увитое плющом. Как и на всех других склепах, здесь имелаась надпись: «Жак де Рено. Да будет незыблема память верной опоры ордена».

Рено? Но как? Если до этого момента Дариор был просто удивлён, то сейчас и вовсе потерял дар речи. Всё вокруг было до дрожи правдоподобным. Ни капли поддельного, присущего любой декорации. Но если это так и Дариора действительно занесло в средние века, то, как и почему это случилось?

Ответ пришёл сам собой: Бист Вилах. Но ведь это совершенно нелогично с рационалистической точки зрения! Не может же человек в одночасье перенестись сквозь сотни лет! Или всё-таки может? Наука несовершенна и не даёт ответа на все вопросы. Дариор пытался перебороть ужас.

Что там говорил Бист Вилах о Первой Цивилизации и о перемещении во времени? Сначала эти суждения резонно показались историку апатическими бреднями, но теперь...

«Спокойно, – сказал себе Дариор. – Разумнее всего в данной ситуации вести себя обыденным образом, чтобы не изумлять местных обитателей. Иначе разгадать загадку и вовсе не получится».

Юноша всё ещё пялился на Дариора глупым взглядом. Посему приходилось действовать.

– Ты кто такой? – торопливо спросил историк.

– Я? – изумился юноша. – Мой сир, я ваш преданный раб, слуга и оруженосец. Неужто вы позабыли? Я Лафос!

Вот те на! Оруженосец! Ещё час назад Дариор даже не мечтал о таком счастье! Выходит, он больше не историк, а славный рыцарь, обладатель собственного штата слуг.

Нет, всё это чересчур уж сказочно. Но даже если так, в глазах оруженосца хозяин вёл себя более чем странно. Нужно было как-то объясниться, дабы не вызывать лишних подозрений. Признаться, Дариор чувствовал себя сапёром, идущим по минному полю.

– Хм... Лафос, – начал он со всей осторожностью. – Видишь ли, пока тебя не было... Судьба изволила распорядиться так, что я ударился головой о... могилу. М-да, вот так вот! Кажется, после этого я многое забыл. Отныне моё сознание погружено в хаос.

Лафос в ужасе схватился за голову. Похоже, он действительно перепугался.

– Сир! Какое несчастье! Вам подобает немедленно показаться лекарю!

«Мне бы к психологу, или сразу к медиуму», – подумал Дариор. Вслух же сказал:

– Да, было бы неплохо. А то меня что-то всё ещё качает. Где тут у вас ближайшая больница?

– Больница? – удивился оруженосец.

– Ну, лазарет, госпиталь... как у вас это называется? Короче говоря, лекаря где найти? Хоть Лафос и выглядел крайне изумлённым, он всё же после некоторой паузы ответил:

– Полагаю, лекарь имеется в замке, сир.

– В каком ещё замке?

Лафос тут же заволновался.

– Ну как же, сир! – воскликнул он почти несчастным голосом. – Ведь вы же назначены наместником замка Вильфранш. И сейчас мы держим путь к нему. Неужто вы и это забыли, сир?

«Так, – безрадостно улыбнулся Дариор, – я, оказывается, ещё и наместник! Лишь первая минута разговора – а уже столько потрясений! Вокруг средневековье! Уже можно тронуться рассудком, а тут тебе подкидывают должность наместника! Видимо это накладывает некие обязанности. Интересно: сколько ещё сюрпризов подготовила мне судьба?»

– Ладно, – решил Дариор, – далеко до этого замка?

– Тропа теней ведёт в горы...

Дариор едва не поперхнулся:

– Тропа теней?

– Да, сир, – спокойно пояснил Лафос, – эту тропу никто не знает. Дорога ведёт в горы. Поэтому, мой сир, я склонен предположить, что осталось полдня пути. Прикажете выступать?

– Ну-ну, – задумчиво протянул Дариор, – а я что же, пешком за тобой побегу?

– А как же ваш конь, сир? – удивлённо спросил оруженосец и указал куда-то за спину историка.

Только сейчас Дариор заметил, что чуть в отдалении, прохаживается гнедой конь. Тяжёлая сбруя, грузные наголенники и седло ничуть не стесняли его, а наоборот, придавали облику ещё больше стати и величия. За такого коня, пожалуй, любой конногвардеец продал бы душу.

– Сир! Выдвигаемся? – снова спросил Лафос.

– Да, конечно, – кивнул Дариор. Быть может, в этом загадочном замке как раз найдутся ответы.

Историк осторожно подошёл к жеребцу. Опыт верховой езды у него имелся изрядный – спасибо войне. Поэтому он без труда вскочил в седло. Могучий конь даже не дрогнул под весом хозяина.

Разгорался рассвет, с востока, разгоняя утренние сгустки тумана, тянулись лучи поднимающегося солнца. Оно постепенно возвышалось над просыпающимися островками лугов и буреломов, разбросанных на богатой лесной карте. Начинало припекать; день обещал быть жарким.

Сбоку к Дариору подъехал Лафос на своей пегой лошадке.

– Сир, они приближаются, – повторил он свою первую фразу.

Кто приближается и откуда, Дариор не знал. Однако решил подыграть средневековому юнцу. В конце концов, только таким образом удастся узнать что-то новое. А вот если вести себя странно, можно и на костёр попасть. Здесь с этим строго. Скажешь что-то не то – и всё, ты колдун. А с колдунами разговор короткий.

– Так это правда! – изрёк Дариор, словно очнувшись от долгих раздумий. – Что ещё тебе удалось узнать, Лафос?

Кажется, на этот раз всё прошло без недоразумений. Лафос не заметил ничего подозрительного.

– Немного, сир, – сказал оруженосец и помрачнел. Затем он вздохнул и протянул наместнику свиток пергамента. – Крестоносцы остановилось в устье реки По и с каждым днём их войско становится больше. Правители многих государств шлют к начальнику папских армий, Риккардо Романо, вооружённые отряды.

Дариор развернул свиток. В нём оказалась депеша, написанная витиеватым почерком. Он смог разобрать лишь несколько строк, но смысл был понятен: «Прошу немедленно принять командование замком» и подпись: «Мишель де Бламбергье»...

Лафос обвёл взглядом склепы и кладбище и скорбно опустив голову проговорил:

– Сир! Никакое горе не сравнится с гибелью вашего отца, но я так зажарился на этом солнцепёке. Ох, нужно отправляться в замок!

Слова «войско», «армии» и «отряды» перепугали историка не на шутку. Из всего сказанного таинственным оруженосцем было понятно лишь то, что Дариор оказался в цепи неких важных событий, о которых и представления не имеет. А стало быть, нужно разобраться. Но не сразу. Для начала надо понять, что это за мир и чего от него ждать. Осторожность и только осторожность! Он решил тщательно всё обдумать. А пока лучше вести себя самым естественным образом и невзначай кое-что выведать.

– Ладно! – воскликнул Дариор и для убедительности даже хлопнул оруженосца по крепкому плечу. – Поехали, Лафос! Время не ждёт!

Глава 2, в которой наместник знакомится с истинным средневековьем

Извилистая дорога шла через лес, огибая холмы и овраги. Она была узка, неприметна и довольно круто вела в гору. Вокруг царил неприкосновенная тишина, и только конский топот заглушал её. Дариор уже вполне освоился в седле и теперь умудрялся даже думать на ходу. А думать было о чём. Как и зачем он здесь оказался? И он ли это вообще? Дариор ещё надеялся, что это очередной глупый эксперимент Бист Вилаха и всё вокруг – не более чем декорация. Однако местный пейзаж был слишком уж правдоподобным, и в нём было что-то... средневековое.

Ладно, можно допустить, что бесчувственного историка перенесли, облачили в древнее одеяние и подсунули ему ряженого оруженосца. Это ещё, хоть и с натяжкой, вообразить можно. Но позвольте! Куда в таком случае делась зима? Где снегопад и сугробы? О нет, превратить зиму в лето никак невозможно! А Дариор был уверен, что пробыл без сознания всего пару мгновений. Как же за этот ничтожный отрезок времени погодные условия могут так радикально перемениться?

Трудно было определить, в какой местности оказался Дариор. Солнце здесь ужасно пекло, а небо лучилось девственной чистотой. Сухая жёлтая почва хрустела под копытами лошадей. Вокруг раскинулся хвойный лес, а впереди мрачной громадой нависали хребты гор. Дариор неплохо знал географию, а потому, исходя из климатических и природных особенностей данного места, заключил, что находится где-то на юго-западе Франции или, может быть, в Испании.

Дариор не представлял, что ждёт его впереди, в этом таинственном замке, и существует ли он вообще. Он не знал, как себя вести и что делать. Быть может, безопаснее будет развернуть коня и поскакать обратно к кладбищу? Если Дариора перетащили туда, то должны же остаться какие-то следы! Но что-то подсказывало: никто его не переносил.

Он всё ещё продолжал тешить себя надеждой о непонятном розыгрыше, раздувая и охраняя её, как робкий костерок. Но вот тропа стала пологой, впереди открылось чистое поле – и надежды Дариора рухнули. Вдалеке возвышался громадный средневековый замок, словно сошедший со страниц летописей времён Иоанна Доброго. Кто и почему назвал его замком, было непонятно. Абсурд!

Город – вот более подходящее название этой громаде домов, стен и башен. Именно город! Под словом «замок» мы обычно подразумеваем одинокий дом феодала. Нечто монолитное, незыблемое, выдолбленное из цельного куска камня. А это был город – со зданиями, улицами, храмами и площадями.

К тому времени, как вдалеке показалась высокая стена замка, тянущаяся по массивному холму, солнце уже достигло зенита. Было очень жарко – такого пекла Дариор не ощущал давно.

Конь историка был явно выносливее и резвее лошади оруженосца, потому Дариор весь путь гарцевал впереди, тем самым увиливая от разговора. Но вот Лафос неожиданно прищипорил лошадь и поравнялся с историком. Кажется, отношения между наместником и оруженосцем были весьма простецкими и не обременялись условностями. К тому же Лафос, похоже, уже забыл о странном поведении своего сюзерена.

– Уф, ну и жара! – пропыхтел оруженосец, протирая лоб мокрым платком. – Поскорей бы уж пошли дожди.

– Но, думаю, что в холод зимой было не лучше! – улыбнулся Дариор.

Лафос горячо закивал:

– О да, сир. Помню смерть вашей матушки. Ужасное событие – вы, должно быть, до сих пор подавлены?

Вот как! Выходит, наместник замка Вильфранш – сирота. Что ж, в этом он идентичен с Дариором.

Человеку, вышедшему из XX века, трудно представить, как должен вести себя средневековый рыцарь со своим оруженосцем. Да, Дариор был историком, но это вовсе не значит, что он должен знать всю историю! Насколько он представлял, рыцари средневековья постоянно разбрасывались клятвами и заумными пространными тирадами. Если верить сэру Артуру Конан Дойлу, то рыцарь и пяти минут не мог прожить, не сказав: «Клянусь святым Георгием» или просто «Клянусь душой». Это были довольно эластичные выражения, в обиходе порой заменявшие самые разные высказывания – от конкретного обещания до восклицаний вроде «чёрт тебя возьми» или просто «ничего себе».

Вот и сейчас Дариор решил начать с этого.

– Клянусь святым Ивом! – воскликнул он, откопав в памяти вечную клятву Бертраана Дюгесклена³. – Я до сих пор тоскую по матушке. Это был серьёзный удар по моему мужеству, клянусь... э-э-э... эфесом.

В современном мире человека, сказавшего такое, в лучшем случае просто не поняли бы. Ну, или как минимум посмотрели бы на него оторопелым взглядом и сочувственно покачали головой. Здесь, в каком-то там среднем веке, эта фраза, пожалуй, не вызвала бы удивления. Но нет – Лафос воззрился на историка так, будто тот сказал нечто совершенно невразумительное. Дариор мысленно выругался: «Ну, а что ты хотел, чёртов оруженосец? С небес или откуда-то ещё к тебе сваливается человек, и ты думаешь, что он будет вести себя согласно нормам этого времени?» Тут Дариор представил себя буквально падающим с небес и передёрнулся. Всё это похоже на сон, который никогда не кончится. Или всё-таки кончится? Ах, чёрт, сколько же вопросов!

А главное – найти ответы на них весьма и весьма затруднительно. Да и как их найдёшь, когда даже не знаешь, как заговорить с местными жителями? Дариор принялся вспоминать, не случалось ли чего-нибудь подобного с кем-то из литературных героев. На ум пришли «Принц и нищий» Марка Твена. Конечно, не самый лучший пример, но воспалённый мозг Дариора не мог отыскать в недрах памяти ещё что-нибудь подобное.

Как вёл себя нищий, внезапно оказавшись при дворе, о котором читал только в книжках? Никто из придворных не заметил подмены, и все приняли «гавроша» за юного Эдуарда. Почему? Да потому, что и вообразить-то такую подмену невозможно! Стало быть, здесь Дариору опасаться нечего. Кто ж поверит, что вместо знатного наместника в седле гордого гунтера⁴ восседает обычный историк из будущего? «Обычный историк из будущего», по правде говоря, звучит не так уж и обычно.

Итак, что сделал нищий, оказавшись в другом мире? Ведь, по сути, жизнь у престола была для него другим миром. Ещё более далёким, чем прошлое для историка. Да ничего он не сделал. Просто пытался соответствовать своему новому статусу. А все вокруг считали, что бедный принц просто заболел и потому забыл, как подобает себя вести, как разговаривать, как отдавать приказы...

Выходит, и Дариору необходимо сделать то же самое – притвориться больным! Любого обычного человека, внезапно сошедшего с ума, наверняка бы отправили на костёр. Но ведь он наместник! Иоаннит! А кто посмеет хоть пальцем прикоснуться к столь знатной особе?

В голове историка созрел план. Одно это уже обнадеживало.

³ дю Геклен Бертран (1320—1380) – коннетабль Франции, выдающийся военачальник времен Столетней войны.

⁴ Гунтер – лошадь, отличающаяся особой выносливостью.

– Видишь ли, Лафос, – начал Дариор, тщательно подбирая слова. – Я действительно сильно ударился головой. Мне нужен лекарь. Я многого не помню... Мой разум словно окутан туманом в летний рассвет.

Конец получился неплохим, и оруженосец тоже не заметил подвоха. Как и следовало, он помрачнел и принялся жалобно причитать. Тогда новоиспечённый наместник попросил его напомнить ему о прошлом, дабы воссоздать память. И Лафос принялся охотно рассказывать.

Оказалось, что Дариор жил в Париже и был сыном славного рыцаря Жака де Рено. Вместе с отцом он нередко отправлялся в походы против разбойников, тем самым заслужив уважение короля и ордена, – ну точно как в летописи.

В те дни на улицах царствовала чума, и даже жестокая война с Англией была шуткой по сравнению с ней. Болезнь играла с людьми, как с погремушками, то отпуская, то забирая обратно туда, откуда нет пути назад. Выходя на улицу, люди заранее прощались с близкими, потому что только самые удачливые, от кого не отвернулась фортуна, возвращались обратно. Несмотря на знатное происхождение, Дариор с отцом не смогли найти лекаря для матери и после её гибели перебрались из Парижа в Тулузу – подальше от смерти. Тут-то Жаку де Рено и поручили наместничество в замке Вильфранш. Этот замок был важным стратегическим пунктом. Как и предполагал Дариор, он находился в горах между Францией и Испанией.

А далее в рассказе оруженосца было что-то невразумительное. Якобы из Рима против госпитальеров направили целую армию. Зачем? Новый крестовый поход? Это бред – такого в истории не было!

Однако долго править Жаку не удалось – он скончался. И тогда орден призвал на освободившееся место сына бывшего наместника. И Дариор, вместе с верным оруженосцем, немедленно покинул Тулузу. По дороге он решил навестить могилу отца, которого похоронили на кладбище иоаннитов, к юго-востоку от замка. Вот, собственно, и вся хронологическая цепочка. Теперь хоть что-то прояснилось.

– Спасибо, Лафос, – поблагодарил Дариор, – теперь я многое припоминаю.

– Это славно, сир! – воскликнул оруженосец, неописуемо обрадовавшись. – Вам нужно сохранять здравый разум – ведь только так вы сможете править наделом рассудительно.

«Выходит, я оказался на месте Дариора де Рено, – размышлял историк. – Того самого рыцаря из летописи. Но как? Неужто Бист Вилах каким-то чудом и впрямь перенёс меня во времени? Но если это так, то значит, что и всё остальное из его рассказа – отнюдь не вымысел. Первая цивилизация, бессмертие, тайное общество, повелевающее миром.... Неужели всё это существует?!»

Наместник так углубился в раздумья, что очнулся только, когда лес остался позади, уступив место холмистой местности, а кони начали подъём по крутому склону. Этот холм представлял собой довольно просторное плато-поле, обросшее плотными зарослями можжевельника с восточной стороны и облепленное накренившимися от урагана соснами с западного склона. Даже осмотрев его невооружённым взглядом, можно было понять, что он представляет мощную оборонительную позицию.

«Если на склоне возвести несколько аванпостов, – машинально подумал Дариор, – то можно будет держать под наблюдением участок более чем в пять миль». Незаметно для себя историк стал размышлять не как подопытный кролик величайшего мирового казуса, а как обычный солдат.

Наконец дорога пошла более ровно, чем раньше, и путники поднялись на пологое плато, откуда открывался захватывающий вид на утопающую в солнечном свете твердыню, на оплот веры и надежды – замок Вильфранш. Мощные стены полностью утопали в тумане, окружающие сосны наполняли воздух сладким запахом смолы, а внутри, призывая на дневную службу, мирно гудели колокола, эхом разливая уютный звук по бескрайним просторам этой неизвестной вселенной.

– Сир, вы не передумали? – пробормотал Лафос, заворожённо оглядывая замок. – Вы всё ещё можете отказаться.

«Не то слово, я всё могу», – ухмыльнулся Дариор. Однако что-то подсказывало ему: ответы надо искать именно в замке. А раз так – иного выхода нет.

– Я уже принял решение, – покачал головой Дариор. – Замку нужен наместник!

С этими словами он пришпорил коня и, огибая вековые сосны, поскакал к воротам. Оруженосец не отставал от него ни на шаг, отчего и без того напряжённому историку стало казаться, что его конвоируют.

Но чем ближе Дариор приближался к твердыне, тем сильнее нарастало его беспокойство: «Захотят ли люди встать под моё начало? И смогу ли я управлять средневековым замком? Да и нужно ли это мне? Мало того: из-за меня назначен какой-то крестовый поход!»

Пока ехали к воротам, Лафос принялся взахлёб поносить папский престол, уважаемых кардиналов – короче говоря, весь Ватикан. Из всей этой праведной, но невразумительной галиматии Дариор сделал следующий вывод: около месяца назад разгневанный папа Бенедикт (тут-то и оказалось, что на дворе середина XIV века) из-за какого-то лживого доноса впервые объявил крестовый поход на католические земли! Это сообщение потрясло не только госпитальеров, но и коллегия кардиналов. Многие поговаривали, что папа сошёл с ума! Кстати, Дариор, как и его предки, всегда чтит законы церкви и был потомственным христианином. Донос же был отправлен дальним родственником Жака де Рено – кардиналом Мариусом де Гло. А это, надо сказать, был весьма мутный тип. Мечтавший о карьере купца, де Гло быстро разорился и был вынужден уйти в лоно церкви. И вот теперь, неистово завидуя Жаку де Рено, который сумел сделать отличную карьеру, он поклялся мстить всем его потомкам.

«Чёрт побери, – выругался Дариор, – какие средневековые бредни! А страсти-то какие! Не хватает только мафиозных разборок и пулемётной стрельбы! Ну, точно как в Чикаго!»

Но вот, наконец, путники подъехали к воротам. Дариор как раз задумался об алчных превратностях судьбы. И впрямь: одни господа всю жизнь, что называется, бьют баклуши и разгильдяйничают. А всё потому, что жизнь в один миг предоставляет им все возможные блага. Спрашивается: за что? За скудоумие и безнравственность? А другие всю жизнь взбираются по отвесной стене и непременно падают вниз, хотя гораздо более достойны благ, чем первые. Где, спрашивается, эта пресловутая справедливость?

Из раздумий его вывел хриплый оклик:

– Кто такие?!

Перед крепкими, обитыми железом воротами стояла маленькая сторожевая будка, очень похожая на будку московского городского. Рядом с ней находился бородатый стражник в чешуйчатой кольчуге. В руках его покачивалась громадная секира. Как ни вглядывался Дариор, ничего ложного или современного он в нём не заметил.

– Дариор де Рено и мой оруженосец Лафос

– А! Так это вы наш новый наместник, сын покойного де Рено?

– Да, это я, – улыбнулся Дариор.

Ему было приятно изобразить на лице приветливую доброжелательность, и он ожидал увидеть в глазах стражника отражение своей радости. Однако тот сразу помрачнел и с непонятным оттенком то ли усмешки, то ли злорадства прохрипел:

– Въезжайте, если хотите! – Стражник толкнул ворота, и те со скрипом отворились, открывая вид на извилистую улицу. – Однако я бы вам этого не советовал.

Он хрипло рассмеялся и отошёл в сторону, любовно поглаживая рифлёную секиру.

Дариор окаменел. Что ждёт его внутри города, если даже первый встречный начинает разговор в таком тоне? Что, если охваченные ужасом горожане подняли мятеж против него, вернее – против наместника, на месте которого он оказался?

В любом случае, прежде, чем въезжать в замок, надо было ознакомиться с ситуацией подробнее. И Дариор вновь окликнул стражника:

– Что происходит в городе? Нам необходимо ознакомиться с нынешним положением дел.

Стражник был явно недоволен, что ему мешают наслаждаться поглаживанием секиры. Он раздражённо сплюнул:

– Внутрь заезжайте, господин, – сами всё увидите. И тихо проворчал: – Чёрт бы вас побрал! – но так, чтобы его услышали.

Хотя Дариор и был неописуемо растерян, однако оскорбления от первого встречного он простить не мог.

– Слушай, дядя...

Но, кажется, здесь было кому заступиться за историка. За спиной разразился яростный рык оруженосца:

– Ты что, забыл своё место, негодяй? Как ты смеешь так обращаться к прославленному рыцарю Дариору де Рено?! Может, тебе напомнить, кто ты есть на самом деле?

Лафос в мгновение ока выхватил из ножен меч и занёс его над стражником. Однако тот был твёрдый калач, а потому ничуть не испугался и всё так же продолжал ухмыляться. Потрясённый его реакцией оруженосец на миг растерялся, но только на миг. Отбросив меч, он спешился, наотмашь ударил противника тяжёлой перчаткой и, повалив на землю, с победным криком начал молотить по животу.

– Вот тебе за твои шуточки! – Лафос придавил ногой отчаянно вырывавшегося и чертыхавшегося стражника. – В дальнейшем десять раз подумаешь, прежде чем...

– Хватит! – Громкий крик Дариора заставил разгорячённого оруженосца остановиться. Он покраснел, в мгновение ока вскочил с поверженного врага и робким голосом пробормотал: – Простите, это больше не повторится.

Дариору, если честно, было, в общем-то, плевать, кто кого здесь побьёт или даже убьёт. Этих людей он видел впервые и вообще не был уверен, что они существуют в реальности. Однако всё же следовало соблюдать осторожность. Не стоит с первых же минут обострять отношения с местными жителями. Драка двух средневековых болванов – это, конечно, забавно, но нецелесообразно.

Поэтому пришлось снова напрячь память и заговорить грозно, в духе Чёрного Принца⁵.

– Хочу тебе напомнить, Лафос: мы приехали сюда, чтобы навести порядок в местных землях, а не валяться в канавах и подворотнях. Местный люд и так слишком напуган бесчинством испанских наёмников, нагрянувших в эти края, – мы должны вернуть надежду нашему народу!

Риск опростоволоситься был невелик. За долгие годы Средневековья испанцы регулярно подвергали экспансии приграничные земли французов, а раз замок Вильфранш стоит недалеко от границы – значит, и его постигает та же участь.

Что же касается надежды для народа... Если честно, Дариор мало верил своим словам. После всех страданий, пережитых горожанами вместо долгожданного смирения, церковь – последнее, что у них было, – отворачивается и мало того, встаёт против них. Такой «щедрой» награды историк не пожелал бы и самому злейшему врагу.

Тем временем обескураженный стражник, очнувшись от потрясения, поднялся с земли и, не в силах устоять, опёрся о стену караульной будки. Вид у него был жалкий и униженный. Седые волосы торчали во все стороны, сюрко было разорвано в трёх местах, а из носа струей лилась кровь. С бессильной злобой меря взглядом оруженосца, стражник в отчаянии стал звать на помощь.

⁵ Чёрный Принц – Эдуард Вудсток (1330—1376), принц Уэльский, правитель Аквитании.

Заслышав отчаянные крики, из города стали выбегать зеваки и простолюдины. Будучи не в силах пропустить такое представление, они начали обступать путников плотным кольцом. Отовсюду слышались гиканье и насмешки в сторону избитого стража. Все эти люди казались абсолютно беззаботными, слишком простодушными и чересчур естественными, но от Дариора, к его же удивлению, не скрылось то, что многие горожане смотрят на него с нескрываемой злобой и отвращением.

«Что я им сделал? – Дариор застыл в безмолвном ужасе. – Грабил и жёг их дома? Бесчестил их жён? Предал веру? Изменил слову? Нет, это не так, но кто тогда настроил их против меня?» Выходит, прославленного рыцаря де Рено не очень-то жалуют в народе.

В этот момент из надвратной башни слышалось грубое лязганье доспехов. И вскоре из ворот, расталкивая в разные стороны горожан, выбежало с десятком солдат.

– Разойдись! С дороги! Куда ты лезешь! В сторону, чёрт возьми! – надрываясь, орал офицер лет сорока с угольно-чёрными усами. Несмотря на тяжёлые латы, он резво бежал впереди отряда и расшвыривал толпу зевак направо и налево.

Добежав до будки, он смерил насторожённым солдатским взглядом стражника, историка и Лафоса, а потом грубым тоном спросил:

– Кто вы и что здесь происходит, чёрт возьми?

– Меня зовут Дариор де Рено, – начал наместник и сразу заметил, как изменилось лицо солдата, когда тот услышал это имя. – Я прибыл сюда по депеше командира гарнизона мсье Бламбергье, вот она, – Дариор протянул письмо офицеру, и тот, быстро пробежав глазами содержимое, поклонился и смущённо забормотал:

– О, мсье де Рено, это такая честь для меня! Я сержант Люк Керье. Я рад... Вы... Я... То есть... У меня... Ладно, чёрт возьми, следуйте за мной! – нескладно закончил он и, подозвав солдат, двинулся в город.

Дариор и Лафос молча спешили и, взяв под уздцы коней, пошли вслед за ним. Первое, что с самого начала не понравилось Дариору, – солдаты шли плотным строем, окружив его, будто охраняли от кого-то или, что ещё хуже, конвоировали. Дариор, конечно, был не против лишней охраны, но какое-то странное предчувствие не давало ему покоя. Второе, что поразило его: в городе все смотрели на гостей с явной агрессией, а один старик и вовсе долго шёл рядом, а потом с диким воплем кинулся на наместника, но, получив от стража страшный удар древком копья, обмяк и повалился на землю.

– Проклятая рвань! – рявкнул в его сторону сержант и стал распахивать толпу, прокладывая себе дорогу.

«В какое мракобесное место меня занесло? – передёрнулся Дариор. Жизнь и достоинство человека тут, видимо, не стоят и франка!»

Остальная часть пути прошла без происшествий, и наместник смог спокойно изучить обитель госпитальеров. Город был красив. Бордовые черепичные крыши домов блестели на солнце, плавно кружили флюгера, лавки ломились от всевозможных товаров, в белоснежной церкви мирно звенел колокол, а по мощёной дороге игриво скакали солнечные зайчики.

Обычно в книгах, будь то научные трактаты или художественные романы, средневековый быт описывается мрачными, тёмными красками. Полотна современных художников, изображающие этот период, также не блещут пёстрыми тонами. Что у нас ассоциируется со словом «средневековые»? Нечто тёмное, какая-то болезненно-серая субстанция, камень, монолит и вечно ужасная погода. Всё это можно считать синонимами. Признаться, Дариор так же считал до этого дня. Но здесь, в замке Вильфранш, он полностью поменял своё мнение.

Красный, синий, жёлтый, оранжевый – вот преобладающие цвета этого места. Ничего серого, ничего мрачного, ничего, боже упаси, болезненного и тоскливого! Лишь радость, красота и веселье! Люди, обычные горожане, были одеты не в траурные балдахины, а в пёстрые, расписные одеяния. Дома украшали яркие флаги и гербы. Вокруг мелькали броские вывески.

А погода и вовсе была великолепной. Да отрежут язык всем тем, кто описывал средние века как мрачное, безрадостное время! Всё это ложь, и Дариор убедился в этом своими глазами.

От ворот вела опрятная улица, пронизывающая город-замок, словно артерия. Очевидно, это был главный «проспект» поселения. Его, то тут, то там пересекали маленькие улочки и узкие каналы, служившие доступным источником воды. Дома, шедшие в ряд по обе стороны «проспекта», были по большей части двухэтажные, с каменными стенами и черепичными крышами. Все нижние помещения занимали бакалейные и мясные лавки, кузнечные и ткацкие мастерские, а также харчевни и кабаки. Правда, за всё время пути Дариор насчитал пока лишь три питейных заведения. Впрочем, для маленького средневекового городка и этого вполне достаточно.

На улице иногда слышался испанский говор. Даже попадались вывески на смеси испанского с французским. В общем, чувствовалась близость Испании.

Вскоре путники прошли узким проулком, пересекли небольшую площадь и остановились перед родовым шато де Рено. Если сравнить этот средневековый особняк и поместье Мещанова, можно сказать, что рыцари XIV века жили куда скромнее, нежели нувориши XX столетия. Это было весьма красивое двухэтажное здание с остроконечной крышей и боковыми флигелями, отходившими в стороны, словно крылья исполинской птицы. Особняк располагался на возвышенности, к которой вела каменная лестница, и как бы наблюдал свысока за всем городом. Это был, в общем, небольшой дом, но очень статный и гордый – как, впрочем, и весь замок.

Над дверью дома красовался щит с гербом и девизом де Рено.

«Так вот это место, – обрадовался Дариор, – здесь жил мой покойный батюшка». Ни горечи, ни печали при этих мыслях он не испытал. В сущности, какое ему дело до смерти некоего средневекового рыцаря?

Тем временем Керье скрылся в шато, но вскоре вышел оттуда в сопровождении широкоплечего феодала лет тридцати с длинными, до плеч, волосами огненно-рыжего цвета. Остановившись перед наместником, тот спокойным голосом сказал:

– Здравствуйтесь, мсье де Рено. Я Мишель Бламбергье, начальник местного гарнизона. Хорошо, что вы приехали. Этому городу нужен сильный правитель.

Дариор внимательно взглянул на нового персонажа и попытался составить его краткий физиогномический портрет. Взгляд спокойный, непроницаемый, лицо приветливое, но при этом усталое и холодное. На лбу и щеках – едва заметные морщинки. Значит, человек много размышляет, но имеет обыкновение улыбаться. Над правым веком – застарелый шрам, а на подбородке – продолговатый след от копья. Лицо тщательно выбрито – значит, персонаж не стыдится, а быть может, даже гордится своими увечьями. Впрочем, шрамы ничуть не испортили это благородное и красивое лицо.

Итак, это волевой неглупый человек, имеющий богатое боевое прошлое. Вполне жизнерадостный, но иногда проявляет настороженность. Ну, что ещё? Имеет обыкновение ездить на лошади – все руки рыцаря были покрыты заскорузлыми мозолями от уздечки. Впрочем, для средних веков это наверняка довольно распространённое явление. Дариор невольно глянул на свои ладони и ужаснулся: на них откуда-то уже появились точно такие же мозоли. Даже перчатки не спасли.

Начальник гарнизона явно видел Дариора впервые. Что ж, это превосходно. Не придётся долго объясняться и ходить вокруг да около. Историк не знал, в каком социальном статусе находится этот Бламбергье и как с ним надо себя вести. Судя по почтительному, но достойному наклону головы, этот человек имел более низкий ранг, но также обладал титулом рыцаря. То есть это всё равно, что статский советник и тайный: оба дворяне, оба амбициозны, но один неизменно подчиняется другому.

Заклучив это, Дариор учтиво кивнул и запросто поинтересовался:

– Так это вы прислали мне депешу?

– Да, верно. Это был я.

– Хм, вы просили *немедленно* принять командование... – Дариор понизил голос и выжидательно посмотрел на рыцаря.

– Да, это так, – ответил Мишель, тоже шёпотом. – Но нам лучше поговорить об этом в шато де Рено – дело не терпит отлагательств. Сегодня вечером, по традиции замка Вильфранш, новый наместник должен устроить в шато де Рено званый ужин. Соберётся весь рыцарский состав гарнизона вместе с супругами, дабы представиться вам, и вы сможете со всеми познакомиться. Но я хотел бы поговорить с вами до этого знаменательного события. У меня имеются очень важные сведения.

«Тайны мадридского двора!» – усмехнулся Дариор. Впрочем, он, как и положено, сделал скорбно-понимающее выражение лица и согласно закивал.

– Рыцарский состав? Это много? Я могу их увидеть сейчас?

– Боюсь, что нет, сир. Господа отправились на охоту в западный лес. Впрочем, – Мишель, прищурившись, поглядел на солнце, – Жан де Борн и Озанн де ла Терра должны прибыть к полудню, но, возможно, задержатся. Вы и не представляете, какие здесь нынче развелись вепри! Двумя стрелами их надо валить, и лишь третьей удаётся довершить дело.

– Что ж, я подожду.

– Ваш оруженосец может заняться лошадьми, а потом Керье проведёт его в комнату слуг. А мы, если не возражаете, пройдем в шато.

Замолчав, он дал какие-то указания сержанту, потом почтительно пропустил вперёд Дариора, затем сам вошёл в шато и запер дверь на засов.

После обширного холла, увешанного геральдическими щитами и различным оружием, перед наместником открылся большой торжественный зал. Все было сделано с величайшим вкусом. Дубовая и буковая мебель плавно переливалась под лучами солнца, проходящими сквозь сводчатое окно. Пол был выложен бордовой плиткой, посередине зала стоял массивный обеденный стол, а справа от него возвышался громадный камин. В конце зала располагалась большая статуя Христа (видимо, обязательная для жилища иоаннита).

– На первом этаже только два больших помещения, – сказал Мишель, – этот зал и оружейная. Там спуск в подвал и выход в сад, что за домом. На втором этаже – спальня, гардеробная, библиотека ну и, конечно, кабинет.

Если бы Дариор мог выбирать себе место жительства, он бы остановился именно на этом шато. Его полностью устраивали как размер дома, так и расположение комнат. Дом вовсе не был тёмным. Публицисты-историки любят представлять средневековое жильё такой мрачной берлогой, с серыми стенами и гнетущим полумраком. Но нет, шато Рено полностью ломало сложившиеся стереотипы. Это был светлый особняк с множеством окон, и не проглядывалось в нём ничего серого или мрачного. Наоборот, солнечная атмосфера дома от самого порога заряжала благими эмоциями.

Рыцари поднялись по дубовой лестнице на второй этаж, и Дариор чуть не запел от восторга. Здесь был самый настоящий кабинет, с письменным столом и грудями пергамента. Вместо перьевых ручек в углу лежала охапка гусиных перьев. А на стенах красовались древние гобелены, изображавшие поединки рыцарей-пилигримов с арабами Палестины. Эх, как Дариору не хватало кабинета в своей работе, как ему приходилось мучиться в своей крохотной квартирке, скрючившись над докладами! Будь у него хотя бы половина этого славного кабинета, он бы давно уже не носил старое пальто и не толкался в рядах нищих историков возле исследовательского центра.

В общем, дом был что надо. Жаль только, что нет радиоприемника и граммофона, но это уже проблемы временных рамок.

Бламбергье тем временем предложил Дариору кресло, чем-то напоминающее трон, а сам расположился на низком массивном табурете. Неуверенно присев, Дариор вопросительно посмотрел на Мишеля.

– Итак, – начал тот, – уже весь город знает о сложившейся ситуации: Бенедикт объявил против нас крестовый поход.

Мысленно Дариор улыбнулся: никакого крестового похода не было. Зря вы, ребята, вздумали душить профессионального историка! Дариор хитро взглянул на собеседника: мол, говори что хочешь, сочинитель, но я тебе не верю. Историк снова начинал подозревать, что все вокруг куплены Бист Вилахом, и потому понимал, что надо быть начеку. «Спокойствие и осмортительность».

А вслух сказал сладчайшим голосом:

– Именно. Это ужаснейшее обстоятельство.

– Всех это, как вы выразились, обстоятельство сильно взбудоражило, – продолжил Мишель. – Последние крестовые походы в Лангедоке были закончены ещё в 1330 году инквизитором Жаком Фурнье, который впоследствии и стал Бенедиктом XII. Мы были уверены, что походы в эту область закончены, но увы...

«Спасибо за историческую справку, – мысленно поблагодарил историк, – теперь я точно знаю, что нахожусь в дремучем XIV веке где-то недалеко от Лангедока. Ну, если, конечно, я действительно попал именно в прошлое».

Мишель тем временем замолчал, о чём-то задумавшись, а потом нагнулся к Дариору и суровым голосом произнёс:

– Мои разведчики докладывают, что в Париж к королю был отправлен папский легат.

Судя по всему, данное известие должно было вызвать у наместника бурю эмоций, но этого не произошло – Дариор попросту не понял всей серьёзности этого заявления.

– Вот как? – переспросил он. Потом немного подумал и, поскольку Мишель продолжал вопросительно смотреть, для верности добавил: – Неужели это так... плохо?

– Что я слышу, сир?! – поразился Бламбергье. – Мы наслышаны, что вы человек хладнокровный и стойкий, но я и представить себе не мог, что это известие не вызовет у вас и тени волнения! Наместник, я вам вкратце разъясню ситуацию. Бенедикт объявил против нас тайный крестовый поход. Понимаете? Тайный! Об этом не знает никто, кроме некоторых правителей европейских государств, самого Папы и его кардиналов. Ну, и рыцарей нашего славного ордена. Вы, конечно же, знаете о «палестинском братстве?»

Палестинское братство? Что за чёрт? А, это, наверное, пресловутое Ordo Tenebris. Выходит, в средние века его называли палестинским? Занятно, весьма занятно!

– Так вот, – продолжил Мишель, – мы уверены, что это именно они повлияли на Папу. Вы, конечно же, знаете, что где-то здесь, в замке, хранятся древние труды, вывезенные нами из Палестины, пока тамплиеры охотились за Граалем.

Архивы! Именно из-за них Бист Вилах устроил все эти чудеса перемещений. Выходит, за этими архивами охотятся все кому не лень: и Мещанов, и Бист Вилах, и братство, и сам Дариор, а в прошлом – ещё и крестоносцы!

А Бламбергье продолжал, не замечая, что лицо Дариора обуревают все возможные эмоции сразу:

– Ватикан хочет овладеть этими трудами. Либо для себя, либо для Палестинского братства. Если первое, то это полбеда. Если второе – то всё гораздо хуже. Мы не хотим повторить судьбу храмовников. Если бы в наших руках оказались эти труды, тогда мы смогли бы противостоять братству. Но без них...

– Что значит «если бы?» – удивился Дариор. – Разве эти труды не у вас?

– А вы не знаете, сир? – в свою очередь удивился Мишель. – Симон де Метц перевёз труды с Родоса сюда по настоянию Великого магистра. Замок тогда только строился, и Симон

соорудил где-то под ним тайник, куда и спрятал труды. Вскоре славный рыцарь погиб, и местонахождение тайника кануло в небытие. Эти труды – всего лишь часть тех сокровищ, найденных в Палестине. Как вы знаете, они сейчас хранятся в Родосе, в резиденции Великого магистра, но эта часть трудов самая важная. И, увы, она пропала. Пропала здесь, в Вильфранше. По нашим данным, флот крестоносцев придёт к побережью примерно через месяц. Оттуда до Вильфранша всего два дня пути. А самое худшее – то, что поддержки со стороны Франции не будет.

– Что? – Дариор в ужасе вскочил с места.

Дело обретало поистине плохой оборот. Крестовый поход, архивы, братство... А что, если Дариор здесь на месяц? Или даже больше? Тогда ему придётся присутствовать при штурме замка! Событие, конечно, весьма романтическое, но опасное для жизни. К тому же все эти люди явно ждут, что он поведёт их в бой. Он! Историк парижского исследовательского центра! Что может быть глупее?

– Поймите, – совершенно спокойно продолжал Мишель, – каждый человек любит деньги, но король Иоанн в особенности. Покрывать нас он точно не станет. – На мгновение он замолчал, а потом добавил: – Помощи не будет. Мы можем надеяться только на силу ордена. Крепитесь – возможно, в скором времени нам придётся воевать почти со всеми европейскими странами.

Слова Мишеля зловещим эхом пронесли у Дариора в ушах, и он в который раз восхитился спокойствием своего собеседника.

«Кажется, зреет вторая Великая война», – горько ухмыльнулся наместник. Настроение его было испорчено, пожалуй, на месяц вперёд.

– Скажите, мсье, – обратился Дариор к Бламбергье. – Я с удивлением заметил неприязнь и даже ненависть к себе у жителей Вильфранша. В чём причина?

– Ох, сир! Не к вам! Не к вам лично. – Мишель злобно сверкнул глазами. – Не все жители города члены ордена, большинство – это пришлый люд, осевший здесь за последние годы. Когда погиб ваш отец, в городе не стало наместника, и они решили устроить тут что-то вроде самоуправления. Создали совет, который отстаивает именно их интересы. Заседают в ратуше и выдумывают новые правила и законы.

– Прямо Октябрьский переворот! – рассмеялся Дариор

– Почему октябрьский? Это было в июне, – пожал плечами Бламбергье. – Но сейчас, когда прибыл новый наместник, сын доблестного Жака де Рено (а надо сказать, что ваш отец правил справедливой, но жёсткой рукой), они понимают, что их вольнице пришёл конец. Вот и скрипят на вас зубами!

«Опять революция и контрреволюция, – сокрушённо подумал историк. – Ничего не меняется».

Вскоре начальник гарнизона ушёл проверять посты, и Дариор остался один в целом доме. Впрочем, не совсем один: как понял Дариор, в правом флигеле шато жили кухарка, повар и слуги, а в левом расположился Лафос. Но Дариор не жаловался на одиночество. Ему было полезно наконец-то побыть одному, изучить новое жильё и спокойно поразмышлять о насущном. Этот чёртов званный ужин был назначен на восемь вечера. Часов в шесть кухарка и слуги, наверное, начнут приготовления, и сосредоточиться в такой суматохе уже не получится. Стало быть, у Дариора имелось примерно два часа на размышления. Но и это лучше, чем ничего.

Первым делом он направился в спальню и рухнул на огромную двуспальную кровать, созданную если не для жителя Олимпа, то уж точно для земного короля. Тут-то его и ждало первое потрясение.

На стене рядом с резным комодом висело большое, отполированное серебряное блюдо, исполнявшее роль зеркала. Дариор заглянул в него и обомлел. Сначала ему показалось, что

в спальню вошёл другой человек, и только через пару мгновений наместник понял, что никто не входил – он видит себя.

Из блюда на Дариора смотрел суровый, несколько хмуроватый мужчина с густыми чёрными бровями. Да, он был похож, даже чрезвычайно похож на историка, но всё-таки многим отличался. Во-первых, Дариор имел около шести футов роста, а этот незнакомый господин едва ли достигал пяти с половиной. Зато он был гораздо коренастее, а его плечи оказались шире, чем у Ивана Поддубного. Во-вторых, Дариор, если честно, всегда считал свою внешность весьма привлекательной, а человек из блюда, хоть и обладал некоторым обаянием, был суров и неаккуратен. В-третьих, Дариор всегда старался вовремя бриться. Теперь же на его лице оказались целые южноамериканские джунгли. В-четвёртых, историк теперь выглядел на пять, а то и на десять лет старше. На лбу и скулах уже образовались редкие преждевременные морщины, а в глазах появилась скорбная усталость.

Закончив первый поверхностный осмотр, Дариор, постоянно чертыхаясь, принялся стягивать доспехи, чтобы провести более обстоятельное исследование. Однако сделать это было не так-то просто. От волнения руки историка предательски тряслись, а одежда оказалась, мягко говоря, немного громоздкой. Пришлось заодно провести и инвентаризацию амуниции. В итоге она составила:

1. Толстый стальной нагрудник с нанесённым на него родовым гербом.
2. Чёрный плащ с голубым подбоем и алыми краями (на плаще белой вязью вышиты восьмиугольный Мальтийский крест и тигровые лилии вокруг него).
3. Нарукавники и наголенники из цельной превосходной стали, эластичные и не сковывающие движений.
4. Высокие сапоги из грубой дублёной кожи на толстых каблуках и со шпорами, местами сбитые – очевидно, в обиходе не первый год.
5. Чёрно-белое сюрко. На груди – тот же Мальтийский крест.
6. Грубая, жёсткая, местами выцветшая льняная рубаха с широким воротом. Странно, что Дариору она не показалась неудобной. Надо сказать, он вообще не чувствовал дискомфорта в этом громоздком одеянии.
7. Мешковатые пузыристые штаны травянистого оттенка. Дурацкие, словно снятые с клоуна в цирке. Но, видимо, по меркам XIV века вполне пристойные и даже модные.
8. Кожаные ножны, обшитые бархатом. Что тут сказать – красивая, притягательная и приятная на ощупь вещь.
9. Узкий одноручный меч-бастард около трёх футов в длину. Лезвие ничем не примечательно, разве что сильно иссечено, а кое-где даже остались застарелые пятна крови – видать, новый наместник замка Вильфранш был лихим рубахой. Рукоять обмотана войлоком, а в узорный эфес помещён небольшой рубин. Это странно: ведь в боях мечи ломаются не реже копий, а потому деньги обычно вкладывают в качество клинка, а не в красоту ручки. Какой смысл в драгоценных камнях? Меч от поломки они всё равно не спасут.
10. Маленький кинжал, спрятанный в сапог. Что ж, вещь полезная и в своём роде незаменимая. Засапожник лишним никогда не бывает.

Ну, вот и всё. Кажется, к лошади ещё были прицеплены копьё, арбалет и шлем с забралом. Было бы неплохо осмотреть всё это, но тащиться в конюшню Дариор не хотел.

Итак, он остался совершенно голым и не без ужаса заглянул в блюдо. Впечатление вышло неоднородное. Сложен рыцарь-госпитальер был неплохо. Он имел широкие плечи, мощную грудь и прямую спину, был весьма тучен и коренаст. Однако если историк мог похвастаться наличием почти всевозможных мышц, то наместник этого сделать не мог. Он не был профессиональным культуристом, это уж точно. Да, сразу видно: человек работал с железом и много тренировался, но без должного понимания. Его тело было «мужицким» – мощным, сильным, подтянутым, но не рельефным. Впрочем, это не так уж и плохо, однако Дариора немного сму-

тил живот. Дело даже не в том, что он весь был покрыт чудовищными шрамами, словно после кесарева сечения, – тело наместника вообще, можно сказать, не имело живого места, но это даже, напротив, имело некий брутальный оттенок. Дело не в этом, а в том, что живот наместника был, скажем так, не очень плотен. Что ж, надо тренироваться и править ошибки.

Тут Дариор поймал себя на том, что не пытается раскрыть подоплёку происходящего, а уже строит планы на будущее в этом мире. Хорош сыщик! Дариор ужасно разозлился и принялся расхаживать по комнате, при этом раздражённо размахивая непривычно короткими руками.

Вдруг из коридора послышались мелкие семенящие шажки, и дверь робко приоткрылась. Дариор в последний момент успел нырнуть под кровать и прикрыться плащом. В спальню вошла низенькая девушка в фартуке, убедилась, что хозяина нет на месте, и принялась с любопытством разглядывать оставленные на полу доспехи. Видимо, это была кухарка. Дариор, разумеется, не мог вылезти в таком виде и потому был вынужден оставаться под кроватью, отчего злился ещё больше. Более глупую ситуацию и придумать было нельзя: парижский историк сидит под кроватью в средневековом замке, прячась от кухарки!

А кухарка, кажется, и не думала уходить. Боязливо оглядевшись, она с почти божественным благоговением взяла в руки бархатные ножны наместника, повертела их в руках и с почтением отложила. Немного осмелев, примерила стальные нарукавники, но сморщила носик и вернула их на прежнее место – очевидно, не заинтересовавшись. Потом кухарка совсем обнаглела и попыталась поднять меч. Однако вскоре ей пришлось отказаться от этой затеи, ибо вес бастарда был для женщины непомерным.

Кухарка была одета в простенькое бордовое платье и остроносые башмаки, Дариор хорошо видел это из-под нижней планки кровати. Её блёклые волосы покоились под маленькой шапочкой, а из кармана фартука торчала поварёшка. Разумеется, далёкой от светской жизни женщине не чуждо стремление к романтике и ко всему прекрасному. Поэтому кухарка, недолго думая, натянула на себя сюрко наместника и, уставившись в блюдо, громко расхохоталась.

Тут Дариору окончательно надоело задыхаться на пыльном полу под кроватью, и он решил, наконец, проредить ситуацию.

После того как за спиной кухарки раздался душераздирающий рёв и неизвестно откуда появилась жутковатая субстанция, запелёнанная чёрным плащом, девушка истерично завизжала и бросилась вон из спальни. Таким образом, насущный вопрос был решён. Наверняка теперь пойдёт слух о том, что наместник оказался Дракулой... ну, или просто душевнобольным человеком, однако самого наместника это сейчас не слишком волновало. Он желал лишь одного: понять суть всего происходящего вокруг.

Пока что складывалось три версии случившегося. Первая: он попросту сошёл с ума. Эта версия была бы основной, если бы не одна нестыковка. Есть железное правило: все сумасшедшие уверены, что они нормальные. Никто из них никогда не задумается, псих он или нет. А раз Дариор только и думает об этом, то многообещающая версия сумасшествия не является действительной.

Вторая: Бист Вилах на кой-то чёрт перевёз Дариора в другую страну, передел и подsunул ему толпу ряженных средневековых воинов. Однако где и как он мог достать столько людей и с таким правдоподобием воссоздать замок средних веков?

Оставалась третья и самая невероятная версия: Дариор действительно перёnessя назад во времени. И дело даже не в том, что это невозможно. Главное – если он и впрямь переместился сквозь призму времени, выходит, что и остальная галиматья, сказанная Бист Вилахом, является правдой. Но это просто уму непостижимо! Получается, что в нашем мире живут какие-то подобные людям уникамы, каждому из которых не менее двух миллионов лет. Именно они управляют миром, и Бист Вилах – один из них. Первая цивилизация! Но если это так, то вся кропотливо составленная мировая история летит к чёрту!

Дариор обхватил голову руками и откинулся на кровать. Ему казалось, что мозг вот-вот закипит, будто вода в чайнике. Такую непосильную работу он просто не мог выполнить.

В тот самый миг, когда Дариор уже был готов отчаянно завывать, на пороге спальни появился долговязый чванный господин в тёмно-синем наряде, похожем на комбинезон.

«Ну а это ещё кто?» – мысленно простонал Дариор.

– Добро пожаловать в шато Рено, сир, – поклонился незнакомец. – Моё имя Эймери, я дворецкий.

Говорил он сухо и гордо, как будто считая себя важнее всех окружающих. На вид дворецкому было лет шестьдесят, не меньше. Однако, несмотря на возраст и величавый вид, его глаза лучились живостью.

– Я всегда на посту, вам стоит только позвонить, – и он указал на бархатную ленту, висевшую около кровати. – Или вы можете всегда найти меня в левом крыле дома, – объяснил Эймери. – Немедленные распоряжения будут?

Дариор подошёл к дворецкому и внимательно взглянул ему в глаза:

– Скажите, Эймери: вам знакомо имя Бист Вилах?

Ни одна мышца не дёрнулась на лице дворецкого. Он остался точно таким же невозмутимым.

– Нет, сир.

Тогда Дариор решил спросить о другом:

– Эймери, вы, должно быть, давно живёте в замке?

– Двадцать два года, сир. Ровно столько, сколько лет этому замку. Я прибыл сюда с Родоса вместе с доблестным Симоном из Метца и участвовал в строительстве стен.

Дворецкий отвечал спокойно, даже несколько уныло. Видимо, эти вопросы задавали ему уже не в первый раз.

– Вы, разумеется, ничего не знаете о Палестинских архивах? – спросил Дариор.

– Знаю, но не больше, чем все, – ответил Эймери. – Ваш отец в своё время задавал мне тот же вопрос, сир. И теперь я отвечу на него точно так же. Мы отплыли с Родоса вместе с каменщиками и плотниками на пяти галерах. В общей сложности двести человек. На одном из судов везли часть Палестинских архивов. Прибыв сюда, в горы, мы наткнулись на древнеримскую крепость «Augea aquila», что дословно означает «Золотой орёл». Эта твердыня когда-то защищала Нарбонскую Галлию от нашествий иберов. Крепость, когда-то большая и грозная, была наполовину разрушенной. На её месте Симон де Метц решил возвести новый оплот иоаннитов. Первым делом мы отстроили шато для Симона и лишь потом приступили к возведению хозяйственных строений и стен. По моему скромному разумению, всё это время архивы хранились в шато Симона. Однако потом по его распоряжению римские клоаки и коммуникации, расположенные под замком, были расширены и превращены в целый лабиринт, куда Симон и поместил архивы. Но куда именно – неизвестно, поскольку через два дня в шато начался пожар. Сгорела половина здания, а вместе с ней – и Симон. Его изуродованные останки захоронены в склепе на родовом кладбище госпитальеров.

– А что с шато?

– Потом ваш отец отремонтировал дом и пристроил к нему флигели. Поэтому-то шато и носит имя Рено. От старого здания Симона здесь остались только первый этаж да винный погреб.

Стоило дворецкому умолкнуть, как с лестницы послышались торопливые шаги, и в спальне появился Лафос.

– Прошу прощения, сир, – молвил он, поклонившись. – Прибыли Жан де Борн и Озанн де ла Терра. Изволите принять?

Дариор нехотя поднялся. Знакомиться с очередными древними рыцарями ему, по правде говоря, не очень-то и хотелось. Но обстоятельства требовали:

– Я иду.

Раскланявшись с Эймери, наместник двинулся вслед за оруженосцем. Пока спускались по лестнице, Дариор решил ещё раз поджечь фитиль просвещённости.

– Лафос, это Бист Вилах нанял тебя? – спросил он прямо.

Оруженосец удивился, даже шарахнулся в сторону. Однако удивление его было неправильным – слишком уж непонимающим. Так не ведут себя уличённые во лжи.

– Сир? Дозвольте переспросить.

– Забудь, – раздражённо молвил Дариор.

И здесь промах! Либо Бист Вилах собрал актёров из самого Большого театра, либо это действительно настоящие жители средневековой эпохи, и Дариор на самом деле гостит в XIV веке. И если это так, всё очень, очень плохо...

Наместник и оруженосец вышли на улицу в жаркий день. Солнце палило так беспощадно, что по шее Дариора сразу же заструился пот. Однако двое незнакомцев, переговаривавшихся во дворе, явно не испытывали таких неудобств.

Это были два рыцаря, причём, судя по всему, весьма знатные. Оба держали под уздцы холёных жеребцов. Первый оказался здоровенным детиной средних лет, с косматыми усами и бородой до груди. На его мощное тело были натянуты лёгкая охотничья кольчуга и бурое сюрко с изображением родового герба: сцепившиеся медведь и лев на фоне чёрного восьмиконечного креста. Рыцарь носил толстые неухоженные сапоги, а руки его были облачены в грубые перчатки. К небогатому поясу были пристёгнуты ржавый клевец и короткий, но широкий меч.

Второй шевалье разительно отличался от первого, исключая разве что приблизительное сходство в возрасте. Растительности на его лице не имелось вовсе, а чёрные как смоль волосы томились в тугом пучке на затылке. На мощной жилистой шее пестрели старые шрамы, а скулы и губы были словно высушены многолетней жаждой. Зато глаза его отличались особенной характерной чертой. Если во взгляде первого рыцаря читались явное благодушие и расположенность, то очи этого сухаря оказались холоднее любого льда. В них словно затаился трёхголовый дракон: скорбь, ненависть и опыт. Одевался рыцарь тоже необычно: сюрко было ярко-красного цвета, а крест на груди – белого. Вышеупомянутую шею обрамлял шёлковый шарф в восточном стиле, явно захваченный в дни военного похода. На поясе в кожаных ножнах покоился дугообразный ятаган, а рядом с ним пестрел вышивкой небольшой бурдюк с водой.

Кони обоих рыцарей были сильными и статными – под стать хозяевам. К сёдлам жеребцов крепились колчаны со стрелами и крепкие охотничьи луки. Причём у первого рыцаря лук был высоким и тяжёлым, на английский манер, а у второго – коротким и удобным (видимо, как и шарф, он был арабским или берберским).

Первым рыцарем, разумеется, был Жан де Борн, характерный французский безземельный рыцарь. А второй, испанской наружности, носил знатную кастильскую фамилию де ла Терра и явно был богат.

Теперь оставалось понять, знают или нет рыцари Дариора. В первом случае придётся действовать по ситуации, а во втором – изображать учтивость и приветливость.

Впрочем, этот вопрос разрешился без затруднений. Стоило Дариору подойти, как рыцари учтиво поклонились и поспешили представиться. Судя по всему, Дариор был абсолютно новым человеком в замке и не знал никого из его обитателей. Что ж, это на руку.

– Жан де Борн, рыцарь одного щита, – заговорил бородатый детина. Голос его оказался под стать облику – хриплый и низкий.

– Озанн де ла Терра, – молвил второй, разглядывая наместника, – владелец замка Святой Евлании. К вашим услугам, сир.

– Дариор де Рено, – поспешил представиться и наместник, а дальше запнулся.

Что ещё сказать? Владеет наместник чем-то или нет, Дариор не знал. И, судя по всему, нельзя было ограничиться одним лишь именем.

– Новый наместник замка Вильфранш, – промямлил Дариор, не придумав ничего лучше. Однако рыцарям этого оказалось вполне достаточно.

– Вы не представляете, сир, – радостно заговорил Жан де Борн, – какие вебри развелись нынче в лесу! Я уже восемнадцать лет в замке, но ни разу такого не видывал, клянусь Святым Иоанном! Просто кусок мяса на ножках! Причём ножки эти тоже очень мясистые.

Его спутник снисходительно взглянул на легкомысленного приятеля и заговорил о другом:

– Кабан не спасёт нас от гнева Рима. Война надвигается, и мы станем её непосредственными участниками. Сир, – он повернулся к Дариору, – сегодня у вас в шато де Рено званый ужин. Для нас большая честь присутствовать на нём.

– Буду рад, – скупно вымолвил наместник. И только тогда рыцари, наконец, удалились.

Дариор вернулся в шато и заперся в кабинете. Пора было, наконец, решить, как действовать дальше. История с подменой тел окончательно сбита историка с толку. Если рассудить логически, но забыть о здравом смысле, получается следующее: каким-то неведомым образом сознание выскочило из тела Дариора в XX веке и переместилось в тело его средневекового предка в XIV столетии. Полнейшая галиматья!

Даже теперь историк пытался успокоить себя, всё ещё надеясь на какой-то идиотский розыгрыш. Однако факты говорили об обратном. Настало время взглянуть правде в глаза и принять реальность. Титаническим усилием воли Дариор пресёк все нападки душевной мнительности и попытался трезво оценить состояние дел.

Прежде всего он решил подвергнуть очередному исследованию своё новое тело, дабы убедиться, что оно действительно «новое», а не видоизменённое какими-то сатанинскими кознями.

Историк доселе всегда пребывал в отменном здравии, и выполнение любого комплекса физических упражнений не вызывало у него труда. Интересно: а как с этим обстоят дела у наместника де Рено?

Недолго думая, Дариор принял упор лёжа и начал ритмично опускать туловище, касаясь грудью пола и прислушиваясь к любому отклику своего тела. Результаты превзошли все ожидания – новый наместник замка сумел сделать сто девяносто семь качественных отжиманий, в то время как его прототип из XX века мог похвастаться лишь половиной этого результата. Что ж – де Рено оказался на редкость крепким малым.

Продолжить исследование дальше не удалось, поскольку в дверь постучали. Дариор открыл и увидел Лафоса.

– Сир, – обратился тот с поклоном, – начали прибывать гости к ужину. Что вам приготовить: узорчатую тунику и шоссы⁶ или вашу любимую котарди⁷?

Уж в чём, в чём, а в средневековой моде Дариор не разбирался совсем. Актёрствовать и лицемерить ему надоело – пришло время поставить точки над «i».

– Знаешь, Лафос, – сказал Дариор, спокойно глядя оруженосцу в глаза, – реши за меня сам. Я действительно болен. Эта хворь распространилась во мне настолько, что я решительно не помню прошлого. И даже не знаю, какое одеяние надобно примерить теперь!

По лицу оруженосца разлилась непосильная мука. Видимо, он и впрямь беспокоился о судьбе своего господина.

– Печально слышать это, сир, – сказал он. – Вам нужны уход и покой. Я уверен: рассудок вернётся! Но никто не должен знать о вашем состоянии. Крестовый поход! Обитатели замка и так напуганы, но если они узнают, что их лидера поразила хворь, поднимется паника! Вы должны быть для всех абсолютно здоровым!

⁶ Шоссы – мужские чулки.

⁷ Котарди – узкая, облегающая верхняя одежда.

– Но как? – воскликнул Дариор.

– Нужно позвать лекаря, сир. Также я обращусь к начальнику гарнизона, мсье Бламбергье.

– Но ты сказал, что никто не должен знать!

– Мсье Бламбергье порядочный, опытный, а главное – умный человек, – уверил Лафос. – Без него нам не справиться, сир. Вам нужны его совет и поддержка. Но только господин Бламбергье. Больше никто не должен знать!

– Что ж, – решил Дариор, – будь по-твоему...

Мишель пришёл не скоро, и Дариор успел известить себя сомнениями. Он боялся, что его упекут в какую-нибудь средневековую лечебницу для психов. Однако шевалье не стал обходиться с наместником как с умалишённым, а заговорил совершенно спокойно:

– Насколько я понял из слов вашего оруженосца, вы не помните прошлого, сир?

– Перестаньте! – поморщился историк. – Что вы всё «сир», да «сир»? Вы ведь тоже рыцарь, к тому же моих лет. Называйте меня просто Дариор – по имени.

– Хорошо, Дариор, – спокойно кивнул Мишель. – Итак, вы забыли собственное прошлое. Как это случилось?

– Я упал с лошади и ударился о могилу, – соврал Дариор.

Мишель нахмурился.

– Хорошо себя чувствуете?

– Да, но прошлое – как в тумане.

– Вы вообще ничего не помните? Или какие-то сведения остались?

Дариор изобразил, что старательно задумался. Потом печально покачал головой.

– Обрывки. Помню отца и наш поход против разбойников. Немного помню Тулузу. И всё, пустота.

Мишель поднялся и начал задумчиво мерить комнату шагами.

– Это печальное известие, – наконец резюмировал Бламбергье. – Вы больны, Дариор. Однако я солидарен во мнении с вашим оруженосцем. Никто не должен знать! В замке могут начаться беспорядки. Настроения людей и так накалены до предела. Сегодня званый ужин – придут влиятельнейшие люди замка. Вы ничем не должны выдать своего состояния. Я помогу вам.

– И как же я могу не выдать себя, если даже не знаю, что надеть на этот чёртов ужин? – удивился Дариор.

Мишель примирительно возвёл ладони:

– Просто слушайте меня и внимайте знакам.

Глава 3, в которой наместник пребывает на званом ужине

На званом ужине и впрямь собрался весь цвет местного дворянства. По правде говоря, гостей было не так уж и много, но все как один выделялись гордой статью, отличающей породистого человека от «уличной дворняжки». Как оказалось, рыцарский гарнизон замка составлял всего шесть человек, однако некоторые были с супругами, а кто-то – с сёстрами и дочерьми. Кроме того, помимо гостей, присутствовали главный мажордом, дворецкий и виночерпий, отчего создавалось впечатление, что главный зал шато переполнен людьми.

Согласно этикету, Дариор должен был появиться спустя пять минут после прибытия гостей, чтобы те не успели заскучать, но смогли освоиться. К сожалению, оруженосцам не полагалось присутствовать на званом ужине и Лафоса рядом не было. Это немного печалило наместника – ведь теперь он мог положиться лишь на главу гарнизона. Мишель уже прибыл в главный зал и непринуждённо беседовал с гостями – Дариор хорошо видел это через потайное окошко в соседнем помещении.

Но вот пришло время – Дариор распахнул тяжёлую дверь и вошёл в ярко освещённый зал. Гости сразу же умолкли и с любопытством воззрились на своего нового командира. Дариор, в свою очередь, разглядывал их.

Рядом с Мишелем стояли Озанн де ла Терра и Жан де Борн. Если француз был один, то испанец привёл с собой двух смуглых мавританок, облачённых в пышные восточные одеяния. Видимые различия имелись и в облике двух рыцарей. Испанец укутался в богатую тунику цвета восходящего солнца и, судя по всему, чертовски модные шаровары. Руки его покрывали золотые браслеты, а на шее красовался внушительных размеров крест на броской цепочке. Жан де Борн, напротив, отличался подчёркнуто благородной бедностью. Кольчугу он так и не снял, лишь сменил охотничье сюрко на тунику свободного кроя.

Мишель тоже принарядился: гарнизонные латы сменились узкой котарди. Лохматая грива рыжих волос была тщательно и аккуратно расчёсана. Однако оба француза напоминали лишь два маленьких метеора рядом с величественной кометой – до богатства и шика Озанна им было далеко.

Два других рыцаря оказались статными гордыми господами, коих в современном мире приняли бы за предпринимателей или деятелей, занимающих высокие должности в политической сфере. Первый представился как Винсент де Бурж. На вид лет тридцати, темноволос, пришёл без жены (видимо, холост), однако привёл двух сестёр – Эстель и Виолет. Девушки вели себя скромно, в разговор не вступали.

Сначала Дариор немного замешкался, не зная, как вести себя с дамами, умершими за несколько веков до его рождения. К счастью, вовремя подоспел внимательный Мишель и поклонился первым, тем самым продемонстрировав наместнику, как это делается. В дальнейшем Дариор монотонно повторял все движения за своим поводырём и, судя по всему, не ударил в грязь лицом. По крайней мере, гости смотрели на него доброжелательно.

Второй шевалье казался на вид старше первого, имел прекрасную осанку, был плотно сбит и широкоплеч. Его лицо отливало смугловатым оттенком, а нос напоминал погнутый в трёх местах гвоздь. Похоже, что рыцарь является выходцем с просторов Южной Европы или Малой Азии. Предположение подтвердилось, как только шевалье назвал своё имя:

– Деметрий из Каллифеи. А это моя жена Персефона, – он указал на статную серьёзную женщину, заполнившую собой, казалось, всё пространство вокруг, и внезапно улыбнулся со всем радушием. – Да мы с вами виделись, Дариор! Помните – на Родосе, в порту? Отец показывал вам двупалубные галеры.

«Вот тебе раз!» – подумал Дариор, вежливо улыбаясь. Выходит, кое-кто из обитателей замка всё же знает наместника. А вот сам наместник их даже мельком не видел.

Видимо, по лицу Дариора разлилась слишком уж доброжелательная мина, поскольку Мишель тут же поспешил вмешаться в разговор.

– Вы жили на Родосе, Деметрий? – спросил он, искусно изображая любопытство. – Вы никогда не рассказывали!

– Нет-нет, увы, башни великой Родосской крепости я видел лишь дважды, – посетовал Деметрий. – Я ведь врач, и дом мой находится около Линдоса. Тоже славное местечко, скажу я вам! И работать там удобнее, чем на Родосе.

Деметрий оказался чрезвычайно разговорчивым господином и о встрече с Дариором вскоре забыл, тем самым избавив того от лишних неудобств.

Когда, наконец, гости расселись за длинным обеденным столом, а виночерпий принялся чинно разливать вино, Мишель обеспокоенно тронул Дариора за плечо. Наместнику полагалось место в центре, перед гербовым гобеленом. А начальник гарнизона расположился по правую руку от него, в непосредственной близости.

– Как вы себя чувствуете? – проникновенно спросил Мишель.

– Лучше, – соврал Дариор, – однако моё положение затруднительно. Если честно, я так и не вспомнил этого Деметрия из Каллифеи.

– Я заметил. Однако не беспокойтесь раньше времени. Повезло, что вы бывали на Родосе всего раз и рыцарский гарнизон замка, состоящий в основном из выходцев с Родоса, вас не знает.

Дариор удивился.

– Я думал, здесь проживают в основном французские дворяне.

– Так-то оно так. Однако многие до отправки сюда жили именно на Родосе. Ну, вот хотя бы взгляните на Винсента, – он указал на рыцаря, сидевшего за дальним концом стола. – Родился в Бурже и рос тоже во Франции. Воевал с англичанами, перешагнул через позор Пуатье, одно время даже служил в карательном отряде. Потом перебрался на Родос и прожил там под стенами Великой цитадели три года, пока его не отправили сюда.

Мишель отпил вина и придвинул к себе окорок. Признаться, яства здесь были отменные. Шеф-повар «Ледуайена» наверняка изрядно понервничал бы, окажись он тут и узрев роскошь сих кушаний.

За столом говорили увлечённо, но всё больше на житейские темы, и к наместнику, слава богу, пока никто не лез. Так что он мог спокойно насладиться ужином и рассказом Бламбергье.

– Или вот Жан де Борн. Истинный воин во всём понимании этого слова. Сильный, храбрый, прямолинейный. Бургундцы прозвали его овернским медведем. Жан, как и многие, родился в семье обедневшего дворянина. Отец его внезапно умер, и мальчик с малолетства зарабатывал на хлеб насущный охотой и ковкой оружия. Из него вышел искусный кузнец и превосходный траппер⁸. Вероятно, какой-нибудь простолюдин из Лотарингии ограничил бы свою деятельность этими ремёслами, однако Жан де Борн не таков. Конура кузнеца и бойня мясника не для рыцаря из славного рода. Жана влекли лязг мечей, шелест стрел и боевой храп коней на полях сражений. Поэтому, как только умерла от чахотки его мать, юноша продал поместье и скот и ушёл в странствия. На самом деле от его родового шато осталась только ветхая лачуга, в стойле мычали всего две тощие коровы, а в погребах хранилась лишь пара бочек солонины. Но даже за это можно было выручить неплохие деньги. Однако купцы обманули прекраснородного мальчика и заплатили за всё добро вдвое меньше. Тогда Жан купил на вырученные деньги выносливого гунтера, надел отцовскую кольчугу, а на спину повесил дровосечный топор, ибо мечей в его доме не осталось. Два года де Борн скитался по Франции,

⁸ Траппер – охотник на пушных зверей.

выполняя малые поручения вельмож и монахов и постепенно превращаясь из юноши в закалённого мужчину. Вскоре он возглавил небольшой отряд рутьеров⁹ и начал совершать дерзкие набеги на пограничные замки англичан. Это заметил сам Бертран Дюгесклен и взял Жана с его людьми в свою армию. Несколько лет они успешно воевали против неприятеля, однако вскоре произошло то, отчего Жан ушёл из армии. К тому времени принцу Уэльскому попал в плен доблестный нормандский рыцарь Гийом де Шербур. И тогда французское командование договорилось с Чёрным Принцем об обмене. Жана схватили собственные же соратники, связали и отправили англичанам. Те же, в свою очередь, освободили Гийома.

– Как подло! – не выдержал Дариор.

– О да, – кивнул Мишель, – повороты судьбы неисповедимы. И Жан де Борн испытал это на собственной шкуре. Полгода он трудился на заготовке леса в Аквитании, в качестве не военнопленного, а раба. Он и раньше обладал недюжинной силой, но благодаря опыту лесоруба развил свою мощь до небывалого уровня. В один прекрасный день он просто порвал цепи, свернул шеи стражникам, конвоировавшим его в Бордо, и убежал. Его не преследовали. Бесполезно – ищи ветра в поле!

Дариор с уважением взглянул на громадного воина. Ничего определённо жуткого в нём не было. Да, он обладал непомерным ростом, звериной бородой и гигантскими руками, однако эти черты не превращали его в монстра. Должно быть, животную мощь оттенял добродушный взгляд тёплых глаз.

– И куда же он направился после побега?

– Жана настолько огорчило предательство соратников, что он решил бросить всё и уехать в Рим, дабы уйти в веру и отречься от всего мирского. Однако богоугодным планам не суждено было осуществиться: по пути через Средиземноморье корабль, на котором плыл Жан, захватили берберские пираты. Рыцаря пленили и продали в рабство одному из алжирских вельмож. Тот, верно, польстился на силу француза и устроил его на свою галеру гребцом. Целых два месяца Жан рвал спину на пиратском судне, получая в день ломоть хлеба да кружку пресной воды. Многие не проживали на галере и недели, однако Жан оказался чрезвычайно выносливым и непокорным человеком. И Господь возблагодарил его за это. У берегов Карпатоса на берберскую галеру напал наш патрульный галиот. Жан вместе с другими пленниками поднял бунт на корабле, и это помогло иоаннитам с лёгкостью перебить пиратскую команду. После этого чудесного освобождения Жана доставили на Родос, где он пополнил ряды рыцарей Святого Иоанна. Некоторое время Жан прожил на Родосе, а потом, вслед за Великим Симоном, отправился сюда, на строительство замка вместе со своим оруженосцем, валахом Петру. Они живут здесь уже восемнадцать лет и ни о чём не жалеют.

Колоритно, ничего не скажешь! Дариор с особым вниманием взглянул на героического человека, а Мишель уже смотрел в другую сторону:

– Великий Озанн де ла Терра, – сказал он с едва заметной тенью пренебрежения, – принадлежит к славному кастильскому роду. Прославился на войне с маврами в южных частях Испании. О его лихости и распутстве ходит немало слухов. Некоторые правдивы, остальные – нет. Могу поведать вам героическую историю, которая действительно имела место. В то время Озанн служил в армии короля Альфонсо. Его кавалерийскому отряду было поручено провести разведку в тылу врага. В ходе рейда они наткнулись на укреплённую позицию на холмах. Её занимал отряд мавров в пятьсот человек под предводительством знатного эмира. У Озанна же было всего лишь пять рыцарей и сорок солдат лёгкой конницы. С такими скудными силами взять укреплённый лагерь не представлялось возможным. Товарищи убеждали Озанна отступить и запросить подкрепления, но де ла Терра решился на штурм. Дождавшись ночи, он собрал весь скот с окрестных деревень и разместил его полукругом перед вражеским укреп-

⁹ Рутьеры – бандиты времён Столетней войны.

лением. Затем прикрепил на спину каждому животному горящий факел. С факелов на спины коровам и овцам капала горящая смола, и животные понеслись вперёд, едва их отпустили. В ту ночь гулял сильный ветер, так что дикого рёва не было слышно. Поэтому маврам со своих укреплений показалось, что на них несётся огромное конное войско. Не выдержав такого зрелища, арабы побросали оружие и кинулись прочь. Тогда солдаты Озанна выбрались из укрытия и атаковали деморализованных врагов в спину. И крепость на холмах оказалась в руках испанцев.

– Умно, – не мог не признать Дариор, – должно быть, король щедро отблагодарил славного рыцаря?

Мишель рассмеялся:

– Конечно. Озанну пожаловали прекрасный надел – замок Святой Евлании. Но, собственно, наш испанец и без указов короля взял всё полагающееся. Что скажете об этих двух мулатках, что скромно сидят подле Озанна? Это наложницы из гарема того самого эмира. Де ла Терра не только не освободил их, но и забрал себе. Как был гарем, так и остался, только хозяин сменился. Надо сказать, ревностный христианин из Озанна не получился. Зато золота у него хоть отбавляй! Пока добирались сюда, случаем не видели богатый дом с колоннадой по правую руку от площади? Это дом Озанна. Он больше, чем ваше шато, а внутри там целый дворец! Этакий рай земных наслаждений.

– И никто не покусился на сие богатство?

– Ну что вы, кто ж осмелится? Озанн привёз с юга целый штат слуг-сарацинов. Выдаёт их за конюхов, поваров и виночерпиев, но все знают, что это охрана, причём весьма солидная. У дверей его дома всегда дежурят два холёных мавра.

«Тоже мне Мещанов нашёлся!» – думал Дариор, разглядывая «лихого распутного» испанца. Нет, на Михаила Ивановича он совсем не походил. Слишком уж суровое, прожжённое боями и страстями лицо. Физиономия Михаила Ивановича выглядела несколько доброжелательнее.

Ещё днём Бламбергье сообщил Дариору о самой тяжкой участи наместника. «В конце трапезы, – сказал рыцарь, – вы должны произнести речь. После этого можете молчать, ибо гости сами начнут говорить».

После Мишель вкратце изложил суть этой «речи». Разумеется, Дариор не запомнил её дословно, а потому было решено, что в случае если историк начнёт молоть околесицу, Мишель легонько постучит по краю стола. Гости не заметят этого, а Дариор, наоборот, различит сей жест среди тысяч других.

И вот момент настал.

Наместник робко поднялся и смущённо кашлянул. За столом мгновенно воцарилась тишина, что смутило Дариора ещё больше. Что ж, пора привыкать к публичным выступлениям.

– Мадам и мсье, – заговорил Дариор неровным голосом, – все вы знаете, в каком бедственном положении оказался наш орден. Неуёмные амбиции Ватикана скоро подвергнут замок Вильфранш тяжким испытаниям. Сюда движется многочисленное войско крестоносцев. Помощи нам ждать неоткуда. Родос исчерпал силы в борьбе с берберскими налётчиками, а Франция и Испания скорее примкнут к Риму, нежели окажут поддержку нам. Мы одни. Бежать мы не можем, ибо, как вы знаете, наш священный долг – охранять древние реликвии, захороненные Симоном из Метца в недрах этого замка. Поэтому остаётся лишь одно: готовиться к обороне и не отдать даром свои жизни. Скажите, Озанн: каковы наши шансы одержать верх?

С этого момента разговор окончательно повернул в деловое русло, и на мелочи уже не отвлекались. Теперь Дариор мог не раскрывать рта. Он знал, что каждый из рыцарей подготовил отчёт, а посему теперь можно было спокойно слушать, а не говорить.

– Шансы невелики, сеньор, – хмуро, но спокойно объявил Озанн де ла Терра, – согла-датаи докладывают, что белые знамёна скопились на западном побережье Италии в устье реки По. Предположительно численность войска составляет пять тысяч воинов. Для отправки морем строится флот. Он будет готов примерно через неделю. Когда последнее судно спустится на воду, завоеватели начнут свой поход.

– Значит, мы имеем дело с пятитысячной армией? – уточнил Мишель.

Озанн недовольно поморщился.

– Я этого не говорил. С севера к врагам должно подойти подкрепление. Это, по меньшей мере, ещё три тысячи человек. Кроме того, уже в море, у Балеарских островов крестоносцы должны соединиться с османской флотилией. А это никак не меньше десяти тысяч.

По залу прокатился изумлённо-недоверчивый ропот. Все принялись возбуждённо перешёптываться, некоторые даже вскочили со своих мест. Слова испанца явно фразировали бóльшую часть публики.

Наиболее уравновешенным оказался врач Деметрий. Вместо того чтобы охвать и сжимать кулаки, как другие, он задал вопрос:

– Скажите, Озанн: вы уверены, что ваши данные верны? Трудно представить, чтобы папские воины шли на бой плечом к плечу с их извечными врагами – мусульманами. Это уже не крестовый поход, а какой-то джихад.

На это резонное замечание испанец пренебрежительно осклабил и, явно бравируя цинизмом, заявил:

– Мои данные всегда верны, почтенный Деметрий! Кто вам сказал, что этот поход «крестовый?» Для святош это всего лишь варварский набег с целью набить карманы нашим золотом и украсить шесты нашими головами. А для османов это прекрасный повод увести в гарем пару сотен наших хорошеньких женщин.

– Прекратите, Озанн! – одёрнул испанца молодой рыцарь, облачённый в сюрко цвета сентябрьской травы. – Вы оскверняете наш слух этими ужасными речами! Мы не дадим в обиду наших матерей и сестёр!

– И дочерей тоже, – гораздо спокойнее добавил Деметрий.

Публика за столом вновь укуталась шалью перешёптываний. Дариор искоса взглянул на Мишеля. Тот явно был озадачен, но наместнику кивнул успокаивающе.

Бесшумно подошёл виночерпий и принялся наполнять чаши, ибо у многих благодаря важности беседы они уже опустели.

Тут из-за стола поднялся Жан де Борн, да так порывисто, что опрокинулся стул. Ничуть не смутившись, француз загромыхал на весь зал:

– Эти сукины дети, чёрт бы их...

Дамы целомудренно потупили глаза и отвернулись от необузданного нахала, а несколько ближайших шевалье возмущённо замахали на него руками.

Жан вовремя опомнился, однако пылу не убавил.

– Прошу простить, мадам, – извинился он и продолжил: – Что нужно османам – понятно! Золото, наши головы и женщины. Мой друг хорошо это описал. Но каковы крестоносцы! Неужто честь и доблесть для них – пустой звук? Как могут они идти на бой вместе с теми, с кем сражались их отцы и деды?

– Им нужна дешёвая боевая сила, которую не жалко потерять, – пояснил Мишель, спокойно покачивая коленом. – Но мне непонятно: как этот разбойничий набег Папа собирается преподнести всему католическому миру? Люди не простят такого коварства и алчности со стороны праведной церкви – и вера пойдёт на спад!

Деметрий скорбно усмехнулся:

– Никто ничего не узнает. Этот крестовый поход бесследно затеряется на страницах истории, и лет через сто никто не будет знать, что таковой состоялся. Уж в Риме об этом позаботятся.

При всём незнании вопроса Дариор был вынужден согласиться с умным врачом. В просвещённом XX веке ни одному историку мира не было известно об этом неведомом крестовом походе. Да, Рим совершал немало нападений на европейские земли еретиков, а позже – гуситов. Но про штурм замка Вильфранш нет никаких сведений, как, собственно, нет информации и о самом этом замке, и о крепости «Augea aquila». Быть может, современные историки плохо искали, но вероятнее, кто-то умело скрыл факты, касающиеся сих событий. Впрочем, если замок действительно построен на месте древнеримской твердыни, то нынешний Рим, пожалуй, и вправду может иметь на неё притязания.

У Дариора было мимолётное лукавое желание подняться и заявить дискутирующим рыцарям, что через несколько веков от их замка не останется и следа, а их имён не будет ни в одном манускрипте. Вероятно, наместника сочли бы полным идиотом, а потому он промолчал, дабы не портить репутацию человека весьма острого ума.

В этот момент в качестве докладчика выступил Мишель Бламбергье.

– Хочу вас обрадовать, мадам и мсье, – сразу же объявил он. – Родос не бросил нас. Буквально час назад я получил донесение, что к нам отплыл во главе воинского отряда Ален Трой. Это значит, что Орден не сдался – он принимает бой и верит в победу!

Ален Трой? Так, так... Уж не тот ли это Ален Трой из средневековой летописи, которую Дариор читал в поезде? Герой, сошедший со страниц книги? Историк начал лихорадочно вспоминать все данные касательно нового персонажа. Кажется, Ален Трой был каким-то матёрым следопытом, сыном леса – таким средневековым Чингачгуком. Но главное не это. Важно то, что, если верить летописи, он хорошо знает Дариора, а значит, при встрече сразу поймёт произошедшую в нём перемену. Конечно, можно снова прикинуться стукнутым, однако далеко не факт, что этот фокус пройдёт с Аленом. Скверно, очень скверно! Но паниковать рано. Трой только выплыл, а море большое, плюс шторма, а корабль у него точно не крейсер. Да от побережья ещё путь неблизкий. Когда он ещё прибудет!

Шевалье восприняли эту весть по-разному. Некоторые буквально воспрянули духом, другие же, наоборот, помрачнели. А Озанн де ла Терра даже расплескал кубок с вином.

– Что-то я не разделяю вашей бурной радости, – прогремел он, чеканя каждое слово. – Мы нуждаемся в армии, а нам присылают какого-то изувера с горсткой воинов!

– Ален Трой не изувер! – бросился на защиту следопыта Винсент де Бурж. – Это прославленный рыцарь! Один из достойнейших иоаннитов! Его действия под Каном и Лиможем великолепны! А вспомните Пуатье! Английские стрелы нещадно дробили доспехи славнейших из французских рыцарей! Лучники загнали кавалерию в мешок. Лошади падали, люди обливались кровью! Исход битвы был предreshён. И тогда Ален Трой повёл своего коня прямо на шеренгу английских лучников. Они прятались за цепью острых кольев. И конь рыцаря напоролся грудью на один из них, но сам Ален встал в седле и перепрыгнул через преграду прямо на головы врагов. В считанные секунды он переколол более двух десятков англичан. Те замешкались, и многим доблестным рыцарям удалось спастись из этого ада. Вот какая славная история, пропитанная героизмом Алена Троя! А что до армии, то я предпочёл бы горстку воинов Алена любому войску!

Порывистые слова молодого рыцаря растрогали Дариора. Другие шевалье ничего не сказали, лишь уважительно кивали.

Озанн лишь презрительно хмыкнул:

– Очень поэтично, Винсент, очень! Все мы знаем, что вы преклоняетесь перед этим рыцарем, хотите быть во всём на него похожим. Но, боже праведный, он не рыцарь! Он садист и палач! В нём нет и не было ни чести, ни доблести. Вы все считаете меня живодёром, но я

ничто по сравнению с ним! Да сядьте вы уже, Винсент! Я говорю правду. Не верите мне? Тогда спросите у почтенного Дариора. Он хорошо знает как самого Троя, так и его чудовищные выходы.

Дариор замешкался с ответом, не зная, что сказать, но его выручил Мишель, поведя разговор в другом направлении. Мнение о неведомом Алене было явно неоднозначным. Кто же прибудет в замок: спаситель и герой или психопат с маниакальными замашками?

Далее много говорилось об обороноспособности замка и о том, как долго он сможет держать осаду. Рыцари по очереди выступали с докладами, а после энергично спорили. Дариор внимательно слушал и узнал много нового об особенностях города и этнической составляющей его населения. Кстати, это был именно город – замком его по привычке называли со времён Симона, когда он представлял собой небольшое селение, огороженное стеной. Потом селение разрослось – и вот теперь язык с трудом поворачивается называть его замком.

Теперь о населении. Слушая своих новых знакомцев, Дариор мысленно составил таблицу.

Получалось так:

В городе, согласно переписи (учёт горожан вёлся с подчеркнутой тщательностью), проживало тысяча сто двадцать два человека. Причём женщин всего двести девятнадцать – сказывались неблагоприятное расположение замка, его общественная непривлекательность, а также нежелание солдат и рабочих везти в такую дыру свои семьи. Оказалось, сюда приезжали в основном холостые люди, а если и семьи, то, как правило, бездетные.

Этнический состав вырисовывался приблизительно (с некими погрешностями):

50% – французы;

20% – испанцы;

10% – потомственные жители Родоса;

5% – люди германского происхождения;

5% – англичане;

10% – граждане «непонятно кто и неясно откуда».

То, что много французов и испанцев, – это понятно: город как-никак находится на границе между этими странами. Выходцы с Родоса составляли элиту – сливки местного общества. Основная часть рыцарского штата как раз происходила отсюда. Это тоже понятно. Но откуда набежало целых 5% немцев и 5% англичан, Дариор так и не понял. Первые ещё ладно – среди госпитальеров они встречались нередко. Но вот альбионцы, благодаря Столетней войне находившиеся в прямой конфронтации с французами, никак не могли проживать в городе, где их потенциальными врагами была половина населения. Вероятно, это объяснялось тем, что орден Святого Иоанна представлял государство в государствах и его члены лояльно относились друг к другу, невзирая на национальные дразги.

Как оказалось, жители временами бастуют. Скрыть весть о крестовом походе, разумеется, не удалось. Жители боятся, а потому разжигают беспорядки. Однако Винсент де Бурж уверил, что до открытого бунта не дойдёт. У протестующих не хватит духу. Про результаты показательных поборок Дариор слушал без интереса. Революций на его веку и так хватало. Ничего нового.

Что ещё узнал или заметил Дариор? Например, то, что многие культовые писатели, в том числе и сэр Артур Конан Дойл, сильно преувеличивали в своих произведениях, порой доводя их до бравурного гротеска. Если верить «Белому отряду», современному человеку было бы весьма непросто приспособиться к средневековой жизни. Хотя бы потому, что он не смог бы поддержать нормальной беседы. Однако это было не так.

Речи местных шевалье не изобиловали клятвами, вернее сказать, последние вообще не произносились, что является полным несоответствием канонам того же почтенного сэра Артура. В ходе разговора о стенобитных орудиях, Дариор решил оседлать знакомого конька и блеснуть знаниями перед средневековыми невеждами, рассказав о великолепной

305-мм гаубице Виккерса. Однако, начав вещание с фразы «клянусь апостолом!», наместник быстро умолк, ибо на него посмотрели так, будто он сморозил какую-то наиглупейшую глупость. Так что в постоянных рыцарских клятвах не было никакой нужды. Да и вообще, особенных заковыристых трудностей в языке XIV века не наблюдалось. Собственно, он ничем не отличался от современного, разве что отсутствовали многие термины и неологизмы. Дариор всё больше приходил к заключению, что здесь можно совершенно спокойно жить, а не выживать.

«Званный ужин» завершился поздно вечером, когда на небе распахнулась звёздная книга.

Было решено готовиться к обороне, постоянно патрулировать окрестные территории и ждать подкреплений с Родоса. Короче говоря, пассивное бездействие. Целеустремлённому Дариору, который, был человеком действия, это не понравилось. А посему он решил разработать свой план по укреплению обороноспособности замка.

Казалось бы: что ему за дело? Пусть крестоносцы захватят замок и поработят его жителей. Однако было ясно, что в ближайшее время Дариор вряд ли выберется из этой аномалии, а потому придётся повоевать всерьёз. Да и не был Дариор таким человеком, который станет отсиживаться. Надо работать. Много работать и много думать, а там, глядишь, и найдётся лазейка обратно домой.

А может быть, это просто сон? Надо заснуть и поскорее проснуться. Осенённый этой жалкой мыслью, Дариор еле дождался, пока гости покинут шато, и поскорее ринулся в спальню.

Глава 4, в которой замок сотрясает восстание

Дариор проснулся от яростного стука в дверь, грозившего расколоть последнюю на куски. При каждом новом ударе от стен отлетал керамический декор и, падая на каменный пол, разлетался вдребезги. Очевидно, кто-то стучал по двери молотом или топором.

Он неимоверно устал за вчерашний день. К тому же не выспался. Да и погода не блистала великолепием. Но что ещё хуже – он проснулся в чёртовом шато, а вовсе не в XX веке.

Несмотря на безрадостные мысли, наместник кое-как соскочил с кровати. Тем временем снаружи всё отчётливее раздавались звуки битвы. Отовсюду доносились брань, ругань и лязг оружия. «Неужто чёртовы крестоносцы уже ворвались в город? – переполошился Дариор. – Только этого не хватало!»

Утро выдалось прохладным. В открытое окно дул лёгкий северный ветерок, и в спальню тянулись тусклые лучи солнечного света.

– Что здесь происходит, мать божья? – завопил Дариор, сбегая вниз по лестнице и пытаясь влезть в рубашку.

Одним движением он сдвинул железный засов и отворил дверь. В следующий миг он увидел на пороге запыхавшегося Керье. Правая щека сержанта была рассечена, а из уха сочилась кровь.

– Я, конечно, всё понимаю, мсье Рено, – заговорил сержант, отдышавшись, – вы устали... Вам нужен покой. Но, чёрт возьми, сколько можно спать?!

Если уж простой сержант позволяет себе так обращаться со знатным феодалом – значит, и впрямь произошло нечто из ряда вон выходящее.

– Успокойся, Люк. – Рено похлопал сержанта по плечу. – Объясни по порядку: что происходит?

Из-за спины Керье он увидел, что пространство перед шато заполнено сражающимися воинами. Нет, это не крестоносцы, а обыкновенные жители окрестностей. Судя по всему, битва только началась – трупов пока ещё было мало.

– Что происходит?! – истерически расхохотался Керье. – А вы не слышите?!

Тут что-то мерзко прошелестело, и сержант еле-еле увернулся от пущенного в него камня.

– Вот дрянь, бога в душу! – заорал он в приступе истового гнева.

Воинов явно не хватало, и противник всё больше теснил их к стенам шато.

– Горожане подняли бунт против нас, чёрт побери! – продолжал Керье. – Ночью заговорщики открыли ворота банде местных разбойников, и те ворвались в замок. Сеньор Бламбергье отправил меня предупредить вас!

– Где он?

– Он повёл солдат в самый очаг мятежа – на площадь Трёх Пилигримов.

– Ладно, я к Мишелю, – решил Дариор, – а ты собери оставшихся солдат и обороняй мой дом! Там хранятся важные документы.

– Будем стоять насмерть! – выкрикнул Керье. – Только вы... будьте осторожнее, сир!

– Непременно! – ухмыльнулся Дариор и припустил по залитой кровью дороге. Пару раз кто-то из сражавшихся попытался остановить его, но безуспешно.

От быстрого бега всё мелькало перед его глазами. Дариор всегда считал себя здоровым и выносливым человеком, а рыцарь де Рено, похоже, и вовсе был истинным марафонцем. Быстрыми рывками он преодолевал огромные расстояния, а резкими прыжками перелетал городские каналы.

Вскоре битва осталась позади, и вокруг воцарилось безмолвие. На улицах не было ни души – только трупы, висящие на кованых оградах и распростёртые в подворотнях. Город как будто погрузился в сон и не хотел просыпаться. Воцарилась гробовая тишина.

«А что, если я опоздал и бунтовщики захватили власть над городом?» – в тревоге думал Дариор. Но тут издали снова послышался боевой клич, сопровождаемый криками и песней стали. Судя по всему, схватка действительно шла у ратуши на городской площади. Вот впереди показались казарма и рыночная площадь, крики стали отчётливее и вскоре превратились в неразборчивую массу воплей и ругательств.

И тут Рено увидел ратушу, а перед ней – кучку солдат, окружённых толпой повстанцев и разбойников. Но не успел он что-либо сделать, как откуда-то сверху на него опрокинулось что-то тяжёлое и мгновенно прижало к земле.

С трудом перевернувшись и освободившись от объятий врага, Дариор вскочил и увидел своего противника. Охнув и пошатнувшись, он чуть было не рухнул от изумления: перед ним стоял тот самый стражник, с которым Лафос подрался у городских ворот.

– Ага! – прорычал тот, с ненавистью глядя на Дариора и помахивая полуторной секирой. – Вижу, ты узнал меня, щенок!

– Но п-почему ты на стороне повстанцев? – заикающимся от удивления голосом просипел Рено. – Ты же числишься в гарнизоне?

– Уже нет, – ответил стражник. – Меня выгнали за то, что я был груб с такой важной персоной, как ты!

Он в ярости расшиб стоявший рядом прилавок оружейной лавки, и её содержимое, бряцая, покатила по мостовой.

А предатель как ни в чём не бывало продолжил:

– Всеми виной ты и твой чёртов оруженосец! Но теперь вы оба у меня в руках, и я с вами разделаюсь!

С этими словами он яростно завопил и бросился на Дариора. И тут произошло нечто странное. Дариор неплохо умел фехтовать благодаря урокам в гимназии и опыту войны. Но одно дело – сабля или рапира, а совсем другое – тяжёлый средневековый меч. Не стыдно признаться, что историк заметно растерял навыки фехтования за отсутствием практики и вряд ли сейчас мог бы показать нечто достойное. К тому же что можно сделать, когда на тебя несётся здоровенный детина с не менее здоровенным топором?

Он приготовился к смерти. Но тут его тело словно проснулось и начало жить по своим правилам. Голова наместника с лёгкостью увернулась от смертоносного удара секиры, а правая рука выхватила из ножен бастард и одним ударом перерезала стражнику горло. Секира с треском выскочила из рук поверженного противника и грохнулась о мостовую. Всё это длилось менее секунды.

Дариор стоял совершенно растерянный. Он не понимал, что именно произошло, но точно знал одно: стражника он не убивал! Тело само, без приказа мозга, сотворило убийство! Возможно ли это? С логической точки зрения – нет. Но кто сказал, что в этом странном мире действуют законы логики?

А стражник тем временем издал булькающий звук и с грохотом рухнул на землю. Его глаза на мгновение полыхнули гневом, но тут же потухли. Душа вышла из тела.

И что самое ужасное, Дариор не испытал привычного отвращения перед очередным кровопролитием. Он не был убийцей. Даже на Великой войне. Он был вынужден убивать. Да, за последнее время приходилось совершать такие деяния, но лишь в крайнем случае. И он всегда казнил себя за те вынужденные убийства, что совершил. Они неизменно накладывали грязный отпечаток на его душу.

Однако теперь, перерезав горло человеку, он не испытал ровным счётом никаких эмоций. Да, он понимал, что совершил ужасное деяние, но не более того. Никакого покалывания в пальцах, ни тошноты, ни боли в груди. Ничего!

– Одним предателем меньше! – послышался за спиной у наместника ликующий голос, и, обернувшись, Дариор увидел Мишеля.

Начальник гарнизона выглядел измождённым и опечаленным. На его лице не появилось ни одного нового шрама, зато лезвие меча было сплошь залито кровью, а за спиной рыцаря тянулась обширная дорожка убитых повстанцев.

– Битва продолжается, мсье, врагов слишком много! – озабоченно молвил Мишель. – И эти разбойники... Ума не приложу, как им удалось обойти караулы! Нас застали врасплох! Мы в тяжёлом положении, сир!

– Должен быть выход! – закричал Дариор, входя в образ славного Галахада¹⁰. – Мы не можем проиграть сейчас! Решается судьба замка!

– Да, верно: есть другой путь! Убить главаря, – Мишель показал мечом в ту сторону, где продолжалась яростная битва, больше напоминавшая месиво из кишок и мяса.

Снова взглянув на это побоище, Дариор не испытал ни страха, ни отвращения. Проследовав за взглядом Мишеля, он увидел в рядах повстанцев огромного верзилу. Тот размахивал эспадоном и призывал бунтовщиков к мужеству.

– Это Педро из Сарагосы, испанец. Если его прикончить – враги, скорее всего, сдадутся. Но это невозможно: его слишком сильно охраняют... – Он не успел договорить, потому что Дариор, выхватив меч, уже бежал в гущу битвы.

Историк посудил так: «Если мне суждено умереть в этом мире, то пусть смерть настигнет меня в бою». К тому же ему хотелось в очередной раз испытать свои новые боевые навыки.

Рено влетел в ряды сражавшихся, раскидал могучими ударами бросившихся на него врагов и, наконец, с уверенностью заключил, что все движения делает необдуманно, рефлексивно. Вероятно, настоящий рыцарь Дариор де Рено был непревзойдённым воином. Его тело настолько приспособилось к сражениям, что даже когда в нём обосновалась посторонняя душа, оно не утратило своих умений.

Заметив Педро, историк в ярости кинулся на него и мощным ударом выбил у того огромный меч. А дальше всё было просто. Холодная сталь вонзилась в тело испанца – и тот, закатив глаза, рухнул на землю.

Битва сразу же прекратилась, словно по команде. Отовсюду послышались отчаянные вопли: «Педро! Он мёртв! Мы побеждены! Нас всех ждёт палач!» А вслед за ними над площадью разразились восторженные крики: «Педро мёртв! Мы проучили этих мерзавцев! Это победа, братья! Ура!»

– Ура! – радостно подхватил их крик Дариор.

Никогда ещё парижский историк не водил средневековых бойцов в атаку. И, если говорить откровенно, такая роль ему понравилась.

– Чёрт возьми! – вдруг послышалось у наместника за спиной, и он отскочил в сторону. Позади стоял Керье.

– Сержант? – выдохнул Дариор. – Я же приказал тебе охранять мой дом.

– Я пришёл один, мсье, а там оставил солдат. Позволю себе заметить, сир...

Дальше Дариор не слушал, ибо всё его внимание привлекла жалкая кучка сжавшихся людей, окружённых стражей. Это были пленные мятежники. Среди них имелись и горожане, и спустившиеся с гор разбойники.

¹⁰ Галахад – легендарный рыцарь Круглого стола.

Тут из колонны копейщиков, которая только-только подросла из северных казарм, отделился уже знакомый Дариору шевалье. Как его? Винсент... де Бурж, кажется.

– Доброе утро, сир, – дружелюбно молвил тот, подойдя ближе.

– Очень, чёрт побери, доброе! – недружелюбно ответил Дариор. – Это не утро. Это полотно «Битва при Ангиаре». Леонардо был бы доволен.

Как и следовало ожидать, на лице рыцаря появилось то самое удивлённо-блуждающее выражение – точно такое же, что появлялось ранее и на физиономии Лафоса.

– Сир?

– Что вам от меня нужно, Винсент? – спросил Дариор гораздо строже, чем требовалось.

Рыцарь удивлённо отступил назад, явно не понимая, чем вызвал гнев наместника.

Безусловно, Дариор никогда не повёл бы себя так непристойно в современном обществе. Но сейчас историку было наплевать. И это не современное общество! Какое ему дело до переживаний каких-то рыцарей, живших в средние века и умерших ещё до его рождения? Да пусть они провалятся ко всем чертям!

– Сир, – довольно робко обратился Винсент де Бурж, – какие распоряжения будут относительно пленных? Нами захвачено двадцать четыре горожанина из числа зачинщиков и шестнадцать оставшихся в живых разбойников. Остальные бунтовщики разогнаны и забились в щели, как крысы!

– А как обычно поступают в таких случаях? – спросил Дариор, немного растерявшись.

Винсент пожал широкими плечами.

– Разбойников нужно сегодня же казнить. А среди пленных горожан повесить лишь каждого третьего, остальных же высечь, чтоб другим неповадно было.

Ну и ну! И как только люди жили в XIV веке без полиции и презумпции невиновности? Этак можно всех неугодных высечь и повесить! Потом никто не подаст апелляцию.

– Послушайте, – сердито сказал Дариор, – у вас тут что, вообще нет никакого суда? Даже у самого опасного преступника есть права.

Винсент взглянул на историка, будто на умалишённого:

– Какие права могут быть у мерзавцев, поднявших бунт против властей?

– Значит, так, – начал Дариор тоном, не терпящим возражений. – Никого вешать и сечь мы не будем. До поры до времени. Неужто вам не интересно узнать, кто стоит во главе этого заговора и что стало его причиной?

Винсент всё так же пожал плечами, явно не разделяя стремление историка к человеколюбию.

– Люди напуганы. Приближаются войска неприятеля. Быть может, простолюдины решили силой захватить власть в замке и сдать его крестоносцам без боя.

– Вероятно, – признал Дариор, – но кто-то подтолкнул их к этому поступку. Более того, горожане заключили союз с разбойниками. Каким образом?

Винсент третий раз пожал плечами, и это стало напоминать нервный тик.

– В горах полно ублюдков, грабящих странников. Кто-то из горожан выступил посредником и договорился с одним из разбойничьих отрядов.

– Я вам вот что скажу: всё это смахивает на хорошо продуманный и весьма организованный бунт! Это не просто отчаянный шаг к свободе! В стенах этого замка явно завёлся негодяй, баламутящий воду. Его необходимо срочно вычислить, иначе восстания будут происходить снова и снова! Поэтому никого из пленников мы убивать не станем. Где-нибудь в замке есть тюрьма? Ну, темница?

– В шато Рено, сир.

– Что, простите?

– Вы, верно, не заметили, но в подвале вашего дома за винным погребом имеется обширная тюремная камера. Есть ещё одна темница в северных казармах и небольшой застенок около караульни. Но эти камеры слишком малы и вряд ли смогут вместить более десяти человек.

– Что ж, – решил Дариор, – так даже лучше. Отведите пленников в шато Рено, запирайте их в камере и поставьте караул. О дальнейших распоряжениях я извещу вас позже.

Было видно, что все эти нововведения немало смущают рыцаря, однако перечить он не посмел. Вскоре колонну пленников повели вглубь замка, подгоняя криками, пинками и ударами.

А у Дариора уже созрел план, как разом убить двух зайцев: усмирить мятеж, а заодно узнать побольше о новом мире. Во всяком случае, наместник замка Вильфранш может задавать пленникам любые вопросы о Бист Вилахе, не боясь показаться глупым. Вот Дариор и решил, что пора бы уже приблизиться к ответам.

Глава 5, в которой наместник осуществляет дознание

По пути «домой» он столкнулся с Лафосом и велел тому срочно привести Мишеля, Жана де Борна и Озанна де ла Терра. Оруженосец умчался, а Дариор пошёл неспешно, даже медленно.

Возле шато было полно народу. Пленников только-только завели в дом, и колонна солдат ещё не успела вернуться в северные казармы. Трупы по-прежнему были разбросаны повсюду. Группа людей во главе с Деметрием из Каллифеи как раз занималась «уборкой».

– Куда это вы их? – окликнул Дариора врач, указывая на пленников, скрывающихся за дверьми шато.

– На разъяснительные беседы, – пояснил наместник, не останавливаясь.

Спустя полчаса мятежников запихнули в подвальный камеру, а на входе поставили двух могучих стражников. Темница была тесной, так что преступники были там как сельдь в бочке. Единственное, что их, видимо, улажало, – так это запах вина, доносившийся из соседнего погреба.

Дариор как раз тщательно мыл руки и лицо в небольшой деревянной бадье. Собственной крови на нём не оказалось, зато вражеской – хоть картины пиши.

Тут-то на пороге и показались нужные люди.

– Сир, – приветствовал Мишель, слегка поклонившись, – мы полностью вернули контроль над замком. Все очаги восстания подавлены. Думаю, народ больше не осмелится...

Он не успел договорить, ибо вперёд выскочил Жан де Борн.

– Да как они посмели? – захохотал он своим звучным голосом. – Мы дали им защиту и кров, а они втыкают нам нож в спину перед лицом великой угрозы с востока! Клянусь своей бородой: эти мерзавцы дорого заплатят за содеянное!

Озанн де ла Терра слегка прищурил усталые глаза и высказал мысль Жана намного короче:

– Сир, я не понимаю, почему эти мерзавцы до сих пор живы. Палач спит и видит их казнь.

Тогда Дариор поднялся и с наигранной властью воздел руки, нахмурил брови, придал голосу волевой оттенок:

– Именно для этого я и пригласил вас, господа. Разумеется, вы понимаете, насколько опасны последствия этого мятежа. Сейчас мы должны готовиться к большой битве, но не можем сделать этого, ибо наше тело кишит червями! Если восстания будут продолжаться, нам ничего не останется, кроме как сдаться на милость крестоносцам! Посему нужно обезопасить себя от угрозы мятежей. А для этого мало высечь и казнить преступников. Прежде всего нужно найти зачинщиков – тех, кто организовал бунт.

Рыцари слушали внимательно, изредка недоумённо переглядывались.

– И как это сделать, сир? – поинтересовался Мишель.

– Работа с пленниками. Подход, давление, угрозы. Необходимо вытянуть из них нужные нам сведения.

Теперь рыцари отреагировали по-разному: Мишель нахмурился, Жан плотоядно осклабился, Озанн просветлел лицом и понятиливо сказал:

– Попытки! Хорошая идея. Если не возражаете, сир, я сейчас же позову палача со всем необходимым снаряжением...

– Нет-нет, – забеспокоился Дариор. – Для начала просто поговорим и обрисуем картину в ярких тонах. Я не думаю, что разбойник будет долго упираться. В его же интересах выдать своего нанимателя.

Мишель покачал головой:

– Не думаю, что все они знают, кто стоит во главе заговора. Мятежники наверняка договаривались непосредственно с главарём разбойников, а самих горожан толкнули на бунт случайные люди из толпы.

– Безусловно, – подтвердил Дариор, – но мы вычислим среди пленных так называемых «офицеров» – тех, кто выделяется среди общей массы бунтовщиков. Для этого сделаем следующее: вы, Мишель, спуститесь в камеру и скажете, что она непригодна для такого количества народа. Поэтому пятерых человек нужно перевести в другую комнату – более светлую и чистую. Но нам якобы не к спеху решать, кого куда. Посему бандиты должны сами решить, кто останется здесь, а кого переведут в «просторные апартаменты».

– Куда? – переспросил Жан, удивившись последнему слову.

Дариор не успел ответить, ибо Озанн хрипло расхохотался:

– Превосходный план, сир! Однако для «беседы» с «офицером» всё же потребуется палач.

– Да погодите вы с палачом! – раздражённо бросил Дариор. – Я не хочу, чтобы об этом деле знали посторонние.

– Разумно. Тогда я могу привести своих мавританских слуг. Они тоже весьма виртуозно управляют с орудиями пыток, а за их надёжность я отвечаю головой.

Похоже, этот испанский Влад Цепеш был помешан на пытках и кровопролитии. Что ж – вероятно, для дремучих средних веков это вполне логично.

– Не торопитесь, Озанн, – сказал Дариор уже мягко, – давайте для начала хотя бы вычислим нужного «кандидата в собеседники».

План осуществился как нельзя лучше. Спустя десять минут после того, как Мишель передал пленникам предложение, Дариор спустился в камеру вместе с Жаном и Озанном и увидел следующее. К решётке выжидающе прижались пятеро разбойников, а остальные три десятка заключённых скорбно теснились чуть поодаль. Выбор сделан.

Стражи схватили двоих бандитов из этих пяти и поволокли в соседний погреб. Не в винный, а в другой – пустой, заброшенный и гораздо меньших размеров. Одного мятежника до поры до времени оставили снаружи, а другого затолкали внутрь и пристегнули к железному креслу.

Дариор, Мишель, Жан и Озанн вошли следом. Стражи затворили за ними дверь и тем самым закупорили «комнату допроса».

– Кто таков? – спросил Озанн. Видимо, он всё-таки был первым человеком в замке по части психологического и физического воздействия на пленников. Наверное, имел немало практики в ходе войны с маврами.

Прикованный к стулу человек оказался слабым и напуганным. Судя по застарелым клеймам на руках, это всё же был горный разбойник, а не горожанин. Вопрос испанца его сильно напугал, и пленник ответил дрожащими губами:

– М-моё имя Иоахим. Я из Сеговии.

– Как попал в ряды горных налётчиков?

Иоахим сглотнул и жалобно продолжил:

– Меня взяли в плен на дороге из Жироны. Бандиты спросили нас, кто хочет пойти с ними. Я не хотел умирать, сеньор. Я принял их предложение. Это было всего месяц назад...

– Врёшь, собака! – рявкнул Озанн и наотмашь ударил пленника по челюсти. Тот повалился на пол вместе со стулом и горестно завыл.

– Что вы творите? – закричал Дариор. – Он нам нужен целым и невредимым!

– Но он лжёт! – отрезал испанец. – Раз ему позволили уйти в лучшую камеру – значит, он пользуется влиянием и уважением среди своих. Следовательно, он не простой разбойник, которого наняли всего месяц назад!

Дариор понимал, что проницательный Озанн прав, но не мог позволить ему бить пленника. Не потому, что жалел того, – просто у историка имелись на бандита свои личные планы, в которые он не собирался посвящать «коллег». Потому Дариор решил немедленно встать во главе допроса.

– Как горожане связались с вашей бандой?

Пленник застонал:

– Я не знаю. Посредники говорили не со мной, а с нашим главарём. Я в это время спал в шалаше.

Дариор нахмурился. Было очень похоже, что этот Иоахим говорит правду.

– Где располагается лагерь вашей банды?

– Не знаю! Мы постоянно меняем стоянки. Каждые три дня!

– Хорошо. Как вы проникли на территорию замка?

– Не знаю...

– Я тебе сейчас челюсть сверну! – заорал Озанн, а Жан, не выдержав, приложил пленника дубинкой по спине.

После этого начался продолжительный спор, а потом Дариор и Мишель насилу вытолкали необузданных помощников из комнаты допроса.

Теперь здесь стало гораздо просторнее.

– Итак, – продолжил Мишель как ни в чём не бывало, – ты говоришь, что не знаешь, как попал в замок. И ты хочешь, чтобы я в это поверил?

– Именно так, сир, – горячо заверил пленник. – Нас подняли поздно ночью и повели куда-то незнакомой дорогой. После чего мы стали спускаться под землю по верёвочной лестнице. Где-то полчаса мы шли в полном мраке, я чувствовал запах земли и сырости. Потом мы вылезли наружу и оказались уже в замке. Где именно, я не помню. Было жутко темно, поверьте, сеньоры!

Было ясно, что ничего путного от пленника не добиться, поэтому Мишель велел стражам отвести его в караульную. Возвращать беднягу обратно в общую камеру было рискованно: кто знает, что там с ним сделают.

Когда Мишель и Дариор остались в погребке вдвоём, последний спросил:

– Значит, под замком и впрямь есть подземные ходы?

– О да, – задумчиво кивнул Бламбергье, – их целая сеть, лабиринт! Великий Симон распорядился прорыть их и, как говорят, спрятал там Палестинские архивы. Но увы, никто не знает, где вход. Эта тайна похоронена вместе с Симоном. Надо бы опросить других пленников – быть может, они что-то вспомнят.

Рыцари вышли из комнаты, но оказалось, что второго разбойника уже нет. Вызванные стражники сообщили, что Озанн и Жан потащили пленника в дом де ла Терра. Выходит, пытки тому всё же не избежать.

Но Дариор не возмутился. Он настолько устал за сегодняшний день, что махнул рукой на сей факт, отпустил Мишеля домой, а сам отправился к себе в кабинет.

Теперь он понимал, что главари мятежников куда хитрее, нежели предполагалось. Они не клюнули на уловку о светлой камере. Они выпихнули вперёд «шестёрку», а сами остались в тени.

Дариор уже начинал понимать, что ему необходимо найти эти Палестинские архивы. Ведь, именно из-за них он здесь и оказался! По прихоти Бист Вилаха. Быть может, если историк найдёт их, то всё это закончится и он снова вернётся в свой мир.

Движимый минутным импульсом, Дариор вскочил и направился к выходу. Пора было приступать ко второй части плана.

На улице уже стусились сумерки. Люди попадались нечасто, но это было даже на руку. Историк без труда отыскал северные казармы и караульню, возле которой стоял небольшой чуланчик, исполнявший роль камеры. Сюда уже успели перевести Иоахима.

Властным взмахом руки Дариор отослал надзирателя прочь и ворвался в камеру. Пленник сидел у стены и безжизненно смотрел в потолок.

Недолго думая, наместник бросился на него и ударом ноги повалил на пол. Заключённый изумлённо завопил, но Дариору было мало. Он надел на бандита сверху и принялся крушить его кулаками с таким остервенением, будто выбивал пыль из подушки. Лишь когда на лице заключённого не осталось живого места, а крики прекратились, Дариор наконец образумился.

– Какой сейчас год? – заорал он, глядя в полные ужаса глаза своей жертвы.

– Сеньор, за что...

Дариор снова ударил. Один глаз пленника полностью закрылся.

– Какой год, чёрт тебя раздери? Где мы находимся?!

– В замке Вильфранш! Где ж ещё? – в отчаянии закричал Иоахим.

– Где это? Испания? Франция?

– Это горы! Мы примерно в пятнадцати лье от моря!

Тогда Дариор встряхнул его ещё раз и произнёс свой главный вопрос:

– Тебе знаком Бист Вилах?!

– Кто? – захлопал глазами Иоахим.

– Не ври мне! Это всё он! Он запихнул меня сюда! Как отсюда выбраться?!

Пленник в ужасе воззрился на свихнувшегося наместника, не в силах ответить.

Тогда Дариор в порыве бессильной ярости вскочил и принялся громить скудную обстановку чулана. Всё разлеталось вдребезги. Лишь когда кулаки наместника покрылись саднящими ссадинами, он выругался и покинул темницу.

На небе уже блуждала луна. Дариор шёл домой злой и обессиленный, а что ещё хуже – опозоренный. Ему было стыдно за произошедший срыв. Надо было хоть извиниться перед этим Иоахимом!

Хотя перед кем тут извиняться? Перед разбойником и убийцей?

Итак, прошёл второй день пребывания историка в этом вымышленном, а может, и реальном мире. Однако он так и не нашёл ответов, а лишь глубже засел в трясине новых проблем и обязанностей. Что ж, завтра будет новый день. Завтра нужно продолжить поиски с удвоенной силой, иначе кто знает – быть может, ему никогда не удастся вернуться назад.

Глава 6, в которой наместник начинает ориентироваться во времени

Ночью, после позорного избиения пленника, о чём Дариор вспоминал со стыдом, он долго не мог заснуть. Его распирала жажда деятельности. Его очень раздражало, что в этом мире он совершенно не контролировал время. В шато де Рено не было часов, и вообще в Вильфранше не было часов ни в одном доме. Не было часов на ратуше, на башнях и церквях. В то же время жители прекрасно ориентировались. И в любой момент знали, сколько сейчас времени. С точностью до минуты. Назначали время встреч, важных дел и обедов. На званый ужин к наместнику никто не опоздал! Видимо, в каждом жителе средневековья тикал внутренний хронометр – такое шестое чувство, выработанное веками и передающееся с молоком матери. Но Дариор был испорчен цивилизацией. И он решил соорудить хотя бы примитивные песочные часы, благо песка в погребах шато де Рено хватало. Вместо стекла Дариор попытался соединить между собой два кувшина. Сначала вроде всё шло как по маслу, но Дариор Рено не был механиком, он был историком. Провозившись около часа, он расколотил чёртовы кувшины о стену и, чтобы успокоиться, вышел пройтись.

Ночная прохлада и тишина приняли его в свои объятия, темнота вокруг была крошечная, в домах не было ни огонька. Тем более он был удивлён, когда, дойдя до площади Трёх Пилигримов, в одном из домов он увидел светящееся окошко. «Кому это не спится?» – заинтересовался Дариор и заглянул в открытое окно. За столом, уставленным разными склянками и заваленным свитками пергамента, при свете свечи сидел Деметрий.

– Доброй ночи, – тихо сказал Дариор.

Деметрий вздрогнул и уставился на историка

– Сир? Что случилось?

– Не спится. Разрешите войти?

– Почту за честь! – и Деметрий бросился открывать...

...На столе лежали сыр и кабаньей окорок. В чаши лилось рубиновое вино, и умиротворённый наместник тихо беседовал с умным иоаннитом Деметрием.

– Как много у вас здесь книг и пергаментов! – с завистью историка констатировал Дариор

– Я привёз их с Родоса. Многие из того, что вы видите, вывезено из Константинополя.

А это, – Деметрий указал на стеллаж у стены, – реликвии нашего рода.

– Разрешите взглянуть?

– Сделайте одолжение, сир.

Дариор подошёл к стеллажу, битком набитому древними манускриптами, и на минуту задумался: с чего начать? Его внимание привлекла большая старинная шкатулка, скорее даже ларец, искусно сделанный из какого-то тёмного дерева. Он осторожно поднял крышку и увидел внутри странный предмет. Видно было, что он намного древнее самой шкатулки. Сверху была квадратная бронзовая пластина, вся изъеденная временем и покрытая коррозией так, что самой бронзы было почти не видно. Историк аккуратно вытащил диковинный предмет и положил его на стол.

– Что это, Деметрий?

При свете свечи было видно, что между двух толстых бронзовых пластин находится ещё что-то, точнее много чего, но всё было настолько забито окислами и ещё чем-то, что определить, что там внутри, было невозможно.

– Никто не знает, что это, – задумчиво произнёс Деметрий. – Этот артефакт передаётся в нашем роду из поколения в поколение. Говорят, ему тысячи лет. Но что это и откуда – неразрешимая загадка.

Дариор внимательно рассматривал диковину, перевернул её и увидел, что из второй пластины в центре торчит корродированный гранёный штырь. Что-то начало шевелиться в историке, что-то заскребло, заскрежетало в памяти. Ну да, он же читал в журнале! В Париже! Как же это называлось?.. Нашли водолазы... На античном судне. Он видел фотографии... «Антикитёрский механизм»¹¹ – вот как!

«А что это такое, никто и в наше время не догадался!» – подумал Дариор.

Но это был другой механизм – похожий, но другой. Историк повертел в руках загадочный предмет ещё немного, и тут его осенило!

– Деметрий, а как зовут этого вашего кузнеца?

– Хенрик из Бремена, сир, – в недоумении ответил лекарь.

– Пошли!

– Куда?! Зачем? – Деметрий ничего не понимал

– Отведите меня к кузнецу, – сказал Дариор, взял под мышку реликвию и выскочил на улицу.

Пройдя вниз по улице шагов триста, они свернули в переулок и вскоре остановились у окованной железом двери добротного дома. Кругом стояла гробовая тишина, тьма была крошечная. Деметрий сначала робко, а потом настойчивей постучал. Вскоре за дверью раздались шаги, и послышался сварливый женский голос:

– Убирайтесь, бездельники, а то я вас угощу хорошей стрелой! – и в открывшееся дверное оконце показался арбалет.

– Я Дариор де Рено, наместник Вильфранша. Я...

– А я тогда – королева Испанская! Убирайтесь!

– Прошу прощения, Марта! Это я, Деметрий. – залепетал грек. – Это действительно мсье де Рено наш наместник. – Мы по делу к твоему мужу.

– Наместник? Де Рено? Ох, Матерь Божья, не признала! – и за дверью послышался лязг засова. – Проходите, сир! И вы, Деметрий.

– Извините за ночной визит, мадам, – виновато молвил Дариор. – Но нам нужен почтенный Хенрик. Нам надо поговорить.

– Почтенный? Поговорить? – закатила глаза Марта. – Его почтенство валяется у себя в мастерской. Попробуйте поговорите, если сможете. Проходите. – И она, указав на боковую дверь, сама поспешила вверх по лестнице. – Не буду мешать!

Дариор и Деметрий вошли в мастерскую. Это была большая комната, слабо освещённая масляным светильником. Вдоль стен располагались верстаки, заставленные всяческим оружием в разной степени готовности. У дальней стены был виден в полумраке потухший горн, а посреди комнаты стоял громадный массивный стол, заваленный инструментами и кусками пергамента. Под столом, раскинув руки и сжимая в одной кувшин, а в другой кружку, растистом храпел кузнец Хенрик из Бремена.

– Хенрик, вставай, это я, Деметрий, – добродушно воззвал лекарь.

Хенрик не пошевелился, но захрапел ещё громче. Дариор поставил механизм на стол. Взял с верстака шлем, зачерпнул им воды из стоящей у горна бочки и вылил на голову кузнеца. Хенрик подскочил, как будто его ударило током, и, выпучив глаза, уставился на историка.

– Здравствуй, Хенрик, – сказал Деметрий. – К тебе пришёл наместник Вильфранша, Дариор де Рено.

¹¹ Антикитёрский механизм – «Античный компьютер». Устройство, поднятое водолазами в 1901 году с античного судна, недалеко от греческого острова Антикитера. Датируется, приблизительно, 100 годом до н. э. Назначение до сих пор неизвестно.

– Сир... – кузнец почтительно поклонился, отступил назад и, упав навзничь, снова захрипел.

Тогда Дариор, взяв Хенрика за шиворот и за ремень, подтащил его к бочке и окунул головой в воду. Хенрик мычал, пускал пузыри, но наместник крепко держал его под водой. Потом рывком вытащил его. Кузнец таращил обезумевшие глаза и, как рыба, хватал ртом воздух. Дариор снова сунул его под воду. Так продолжалось несколько раз, пока в глазах Хенрика не промелькнуло сознание и взгляд не стал осмысленным.

Хенрика посадили за стол, а сами уселись напротив.

– Вам лучше, почтенный Хенрик? – участливо спросил историк. – Я Дариор де Рено.

– Рад вас видеть, сир, – промычал кузнец.

– Видите, Деметрий, нам рады, – обратился Дариор к сконфуженному греку.

– Значит, так. Время позднее, а дело у нас важное. Так что хватит валять дурака. – Де Рено указал на механизм, лежащий на столе. – Взгляните. Как думаете: что это?

Хенрик зажг все светильники в мастерской, взял в руки артефакт, долго крутил его, рассматривал и, наконец, сказал:

– Понятия не имею!

– Тогда скажу я, – начал Дариор. – Я как-то читал в... древнем манускрипте, что египетские, а потом и античные учёные много чего умели! Попробуем разобраться, что это? Неужто вы, Хенрик, такой искусный мастер, не утрёте нос каким-то древним грекам?!

– Но... – начал лекарь

– Подождите, Деметрий! – оборвал историк.

В глазах кузнеца загорелся огонёк. Дариор правильно надавил на профессиональную гордость.

– Сейчас! – сказал Хенрик. – Сейчас. – И отправился к бочке.

Взявшись руками за края, он с размаху опустил голову в воду...

Когда иоанниты решили, что Хенрик уже утонул, кузнец вынырнул из бочки и азартно воскликнул:

– Ну, приступим! – и подошёл к столу, на котором лежал таинственный механизм. – Что же это такое? Всё в грязище и ржавчине. Так ничего не разглядишь!

Он поднял деревянный молоток и обрушил его на реликвию рода Деметрия.

– Господи! Хенрик!.. – возопил Деметрий

– А ты меня поучи! – огрызнулся кузнец. – Я же не учу тебя пиявки ставить!

Через час на столе лежал полностью разобранный и очищенный механизм. В углу, обиженный и испуганный, нервно грыз ногти Деметрий.

– Не переживай, друг Деметрий! – задушевым голосом пропел Хенрик. – Ведь говорили древние: *Ipse dirutum se collecta!*¹² Я записал на пергаменте всю последовательность, на каждой детали стоит номер. Соберём! Вот только что это за хреновина?

Надо сказать, что Дариор сначала очень сомневался, осилит ли кузнец такое дело. Но по мере того, как он наблюдал за уверенными действиями Хенрика, у него не осталось сомнений. Подойдя к образовавшейся куче деталей, историк увидел множество колёсиков и шестерёнок разной толщины и диаметра, штифты, втулки, клёпки. Всё это хозяйство ранее располагалось между двумя квадратными бронзовыми пластинами, а теперь лежало грудой на столе.

– А всё сохранилось весьма неплохо! – изрёк кузнец. – Сейчас соберём! – И он принялся за работу.

Через некоторое время на столе стоял механизм, заключённый между пластинами. Из центра одной торчал гранёный шкив, а внизу другой было небольшое отверстие, через кото-

¹² Сам разобрал – сам собрал (вульгарная латынь)

рое торчал шкив поменьше. Дариор уже давно всё понял. Он понял, что догадка его была верной. Главное, чтоб всё заработало!

– Хенрик, дайте мне клещи, – попросил историк.

– Да чего там, давайте я сам! – ревниво ответил кузнец. – Чего делать-то?

– Покрутите этот маленький штырь по... Ну, вправо! Сделайте несколько оборотов.

Хенрик пожал плечами и, раз десять повернув маленький шкив, отошёл в сторону. Но ничего не произошло. Механизм был мёртв. Дариор подошёл к столу и легонько стукнул сверху по механизму. В тот же момент послышалось лёгкое жужжание, колёсики и шестерёнки закрутились, и стало слышно размеренное щёлканье.

– Идите за своим вином, Хенрик, – улыбнулся Дариор.

– Да, что ж это, наконец?! – вскричал совершенно сбитый с толку кузнец.

– Придёте – я всё объясню!

Пока Хенрик ходил в погреб за вином, Дариор выбрал из груды инструментов подходящий циркуль и, вооружившись угольным грифелем, что-то начертил на пергаменте.

Пришёл кузнец с кувшином вина, огромным окороком и вопросительным взглядом.

– Терпение, Хенрик! Пока уважаемый Деметрий будет нарезать окорок и разливать вино, вырежьте на этой бронзовой пластине мой рисунок. И сделайте эту деталь. – И Дариор, весело подмигнув, протянул кузнецу пергамент.

Не успел Деметрий закончить своих приготовлений, как у кузнеца всё было готово.

– Я надеюсь, вы не будете колдовать? – шёпотом спросил он и протянул Дариору небольшой предмет. – Колдовать – грех!

Дариор подошёл к механизму и подозвал остальных. Когда Деметрий с Хенриком подошли, он надел последнюю деталь на центральный шкив и спросил:

– Сколько прошло после полуночи?

– Четыре часа, сир, – ответил Деметрий, ориентируясь на внутренний хронометр.

Дариор поправил деталь и торжественно произнёс:

– А теперь давайте выпьем за Новое Время! – Увидев абсолютно непонимающие взгляды, он продолжал: – Этот механизм называется часы. Он считает время и позволяет узнавать, который сейчас час. Правда, без минут – уж больно механизм древний! Это просто часы, а не таинственный артефакт!

Хенрик расстроился:

– Чего его считать, время-то? На механизм смотреть! Я его и так знаю. Хоть ночью разбуди! Я-то думал... И стоило столько возиться!

А Деметрий обиделся. Но Дариор был в восторге! А когда кончилось вино, в восторге были все, и никто не обижался.

Теперь Дариору не нужно было вечно смотреть на солнце – он и без него мог узнать время.

Глава 7, в которой наместник отправляется в факторию на болотах

Дариор не спеша шёл по подъёмному мосту к выходу из города. Чуть позади него шагали Мишель, Лафос и Керье. С того злополучного дня, когда жители устроили бунт на площади Трёх Пилигримов, прошло ровно двадцать четыре часа. Дариор знал это наверняка, ибо теперь мог в точности определять время.

Лёгкий ветерок ерошил волосы наместника и мягко обдувал лицо. Светлеющее небо туго затянуло тучами. Всё быстрее разгоняя запоздавшие облака, они образовывали в зените клочующий водой омут, из которого вскоре на просыпающийся замок заморосил дождь.

– Если готовить Папе сюрприз, – возбуждённо говорил Дариор идущим рядом с ним соратникам, – то надо заняться этим основательно.

– Будьте осторожны, сир, – покачал головой Бламбергье. В присутствии других людей он отказывался обращаться к Дариору по имени. – На этот раз вы ввязываете себя в опасную игру. Если вы перейдёте дорогу Ватикану, ваша жизнь перестанет быть прежней и пути назад уже не будет!

– Я уже давным-давно перешёл им дорогу, когда один неудавшийся купец встал под лоно церкви, – усмехнулся Рено, очень кстати вспомнив историю жизни де Рено. – Так что пути назад уже нет.

Прошло всего два дня с того момента, как Дариор прибыл в замок, но эти трое уже успели стать для него почти что друзьями. И это было неправильно. Историк прекрасно понимал, что в этом мире доверять нельзя никому.

Дойдя до хвойного леса, что раскинулся в ста пятидесяти саженях от ворот, рыцари и их оруженосцы остановились.

– Ну, что замолчали? – бодро проговорил Мишель. – Распоряжайтесь, сир. Это ваш замок.

– Ладно, – начал Рено, вздохнув полной грудью. – Сперва нужно сменить стену, – он указал мечом на полуразвалившуюся бревенчатую ограду. – Эта развалюха не предоставит нам никакой защиты. А чтобы превратить эти укрепления в цитадель, нам необходима новая прочная непробиваемая стена.

– Вспомните Монсегюр! – И Дариор указал вдаль рукой. – Сто лет назад пятнадцать рыцарей-альбигойцев и пятьдесят солдат почти год противостояли тысячам крестоносцев! Альбигойцы были смелы и самоотверженны, но не будь у Монсегюра неприступных стен, вряд ли бы они продержались и один день.

– Согласен, – одобряюще кивнул Мишель. – Однако где мы достанем столько дерева? Ведь для строительства понадобится новое!

– Так в чём проблема? – искренне удивился Дариор. – Используйте камень! Насколько я знаю, феодалы обычно строят каменные замки.

«По крайней мере, так написано в летописях, дошедших до XX века», – добавил он мысленно.

– Хм, действительно! – озадаченно нахмурился Мишель. – Стена из камня будет не только дешевле, но и намного прочнее деревянной. Однако её постройка займёт куда больше времени, а про доставку камня я уж и не говорю. Едва ли мы успеем окончить строительство к прибытию крестоносцев.

Однако Дариор не собирался уступать.

– Но нынешняя стена и так наполовину сделана из камня. К тому же мы будем строить постепенно, не разбирая всю стену сразу, а потому заставить нас враспloh не получится. Где можно найти достаточное количество камня? Где-нибудь поблизости есть каменоломни?

– Вряд ли кто-то захочет сейчас торговать с нами, – резонно заметил Мишель, – поэтому придётся просить помощи у своих, у ордена.

– Родос?

– Нет-нет, это слишком далеко, – улыбнулся Мишель, – должно быть, вы не знаете, сир, но в десяти лье к северо-западу лежит наша фактория. Небольшой городок в три десятка домов.

Нет, этого Дариор не знал.

– Эту факторию возвели задолго до строительства замка. Она находится глубоко в лесах и ведёт торговлю с окрестными поселениями. Там имеются каменоломни и большой запас строительных материалов. Однако это не главное. Фактория до сих пор работает потому, что рядом с ней имеется серебряный рудник, причём весьма богатый. Тамошний комендант Тибо де Лаваль – суровый и непреклонный человек. Он уже больше десяти лет противостоит ордам местных горцев, имея лишь малочисленный гарнизон ополчения.

– Значит, нужно немедленно отправляться туда!

– Почему немедленно, сир? – удивился Керье.

Дариор нахмурился.

– Потому что крестоносцы ждать не будут.

Мишель, кажется, разделял эти пессимистические мысли.

– В таком случае я сегодня же отправлю посланника к Тибо, – кивнул он. – Думаю, уже через неделю материалы придут в замок.

И тут Дариор понял, что это его шанс. Шанс лучше узнать этот мир, а быть может, даже вырваться за его пределы.

– Нет, – строго отрезал Дариор, – я поеду только в сопровождении оруженосца. Во-первых, мне необходимо повидаться с Тибо де Лавалем, а во-вторых, это неплохая возможность изучить особенности рельефа вокруг замка и отметить места для строительства фортификационных сооружений. А вы с Керье соберите добровольцев и немедленно начинайте разборку стен.

Мишель и его оруженосец многозначительно переглянулись, но перечить, разумеется, не посмели.

– Ладно, – кивнул Мишель, – но вам нужна охрана. Насколько вы знаете, вокруг полно грабителей и прочих врагов в лице испанских наёмников и рутьеров. Кроме того, горы кишат английскими белыми отрядами. Безопасных троп становится всё меньше. Испанцы и аквитанцы устраивают на дорогах засады, подобно мерзким разбойникам! Не думаю, что разумно отправляться в столь опасное путешествие вдвоём.

Но Дариор не собирался отступать:

– Напротив. Двум всадникам передвигаться гораздо проще, чем крупному отряду. Мы пройдем там, где не пройдет целая армия.

– О да, сир. Скрытность важнее грубой силы, – подхватил Лафос, очевидно, всей душой поддерживая наместника.

Керье ничего не сказал, а Мишель был вынужден со вздохом повиноваться.

Решено. До полудня шли приготовления. Дариор и Лафос переоделись в мельников, вместе своих боевых коней взяли крестьянских лошадок. Идя на опасную операцию, мечи оставили, а вместо них взяли короткие стилеты.

Простоватая физиономия Лафоса была и так неотличима от крестьянской рожи. А вот с благородным лицом наместника пришлось повозиться. Но после продолжительного умывания водой с сажой и он стал обычным чумазым деревенщиной. Конечно, всё это ему мало нравилось, но приходилось терпеть.

Мишель прочертил на карте маршрут от замка до фактории через «безопасные тропы». И вот после плотного обеда Дариор сидел у себя в кабинете, а Мишель его инструктировал. У дверей также стояли Жан де Борн и Озанн де ла Терра, оба весьма хмурые.

Пытки второго разбойника так и не дали никаких видимых результатов, и оба умника получили хорошую нравоучительную взбучку от Деметрия, который переживал за здоровье пленников ещё больше, чем за своё. В итоге Жан признал поражение и полностью доверился Мишелю и Дариору, которые предлагали на время оставить мятежников в покое и наблюдать. Но не таков был Озанн. Для него добыча информации теперь стала делом чести, и Дариор понимал, что испанец явно не собирается мириться с неудачей.

– Фактория постоянно находится в осадном положении, – говорил Мишель, склонившись над картой. – Лиходеям известно про серебряные рудники, и они хотят добраться до них любой ценой. Потому Тибо и его люди ежемесячно отражают атаки противника.

– Почему же тогда орден не пошлёт в помощь фактории солдат, которые разгонят бандитов? – удивился Дариор.

Мишель как раз кропотливо выводил пером на карте чернильную линию, Озанн всё ещё злился из-за позорной неудачи, поэтому на вопрос наместника ответил безотказный Жан де Борн:

– Ближайший оплот ордена в округе – это замок Вильфранш, а у нас самих, как вы знаете, бед хватает. Вот прибудет Трой – может, тогда удастся выслать на помощь Тибо небольшой отряд.

Дариор снова напрягся при мысли о войне из летописи. Конечно, интересно узнать, каким тот был на самом деле, но как ни крути, встреча с Аленом грозит неблагоприятными последствиями.

– Вот эта тропа, – снова заговорил Мишель, водя по карте пальцем, – ведёт напрямик к фактории, минуя болота. Это единственная дорога, о которой бандиты не знают. Постарайтесь пройти по ней незаметно, чтобы она и впредь осталась для них лишь грёзой.

– Нет проблем, – легкомысленно усмехнулся Дариор, а рыцари снова выразительно переглянулись.

На рассвете двое путников вместе с Мишелем и Керье выехали за ворота.

– Осторожней и удачи! – взволнованно промолвил Мишель.

Так началось путешествие в факторию на болотах. Зачем Дариор поехал туда? Вероятно, чтобы узнать, как далеко простирается этот странный мир, есть ли у него границы.

Оказалось, что простирается он весьма далеко, а границы, если и существуют, то где-то за горизонтом. Прямо от леса, окружавшего западные стены замка, вела узкая тропа. Она шла напрямик через чащу, время от времени углубляясь выше в горы или, наоборот, спадая до самого подножья. Пока ехали через лес, Дариор не раз замечал в просветах между деревьями могучие кабаньи спины. Здоровенные животные так и кишели вокруг. Выходит, Жан де Борн ничуть не преувеличивал, говоря о нынешних дарах леса.

Средневековое лето и впрямь выдалось жарким. От беспощадных лучей солнца не спасали даже обширные кроны могучих деревьев. Поэтому приходилось спасаться лишь пресной водой. К счастью, Лафос вёз немало бурдюков, да и горных ручьёв в округе хватало. К вечеру грянул ливень, и стало заметно легче. Благословенная вода била с неба стеной, и Дариор, будто малый ребёнок, запрокинул голову и ловил её ртом.

И всё же дорога вышла отнюдь не лёгкой. Проливной дождь безжалостно размывал и без того неровную грунтовую тропу. Дождь и брызги грязи попадали лошадям в глаза – те упрямылись и беспомощно скатывались по крутым склонам холмов, так что приходилось огибать их, при этом совершая огромные крюки. Дариор уже совсем сбился с пути и окончательно

перестал ориентироваться. Если бы не Лафос, он, вероятно, не смог бы выбраться из этого лабиринта деревьев и оврагов. Оруженосец полагал, что они продвинулись только на три лье к западу, хотя Дариору казалось, что они уже трижды обогнули все горы. Причём усталость его была отнюдь не физической. Нет, у него не болела спина. Его не клонило в сон. Устал лишь его мозг, его душа. То есть именно то, что средневековому Дариору де Рено не принадлежало.

Когда бледно-жёлтый кругляш луны прочно закрепился в бездонном небе, ливень наконец иссяк. В лесу сразу же образовалось послегрозовое безмолвие, прерываемое лишь редким постукиванием капель о землю. Двигаться во тьме становилось всё труднее, и путники решили сделать привал.

Однако возникло непредвиденное обстоятельство. Дариор как раз нашёл уютную прогалину возле поваленного дуба. Могучее дерево могло послужить хорошим укрытием, однако Лафос не позволил. Едва разглядев во тьме гигантскую крону исполина, оруженосец в ужасе забормотал молитвы, повернул коня и зашипел на Дариора:

– Сир, скорее отойдите! Скорее, скорее! Пока они не заметили!

Сначала Дариор перепугался – решил, что под прикрытием ночи к ним подобралась налётчица, – однако всё оказалось куда тривиальней.

– Быстрее уходим, сир, пока дубовики нас не учуяли! Зачем вы только пошли сюда? Ох, не миновать нам несчастья!

– Кто-кто? – удивился Дариор незнакомому слову.

– Дубовики! – прошептал Лафос с содроганием. – Вам разве никогда не говорили, что эти твари живут в кронах и стволах древних дубов? Эти существа заманивают путников глубоко в лес и одаряют вкусными яствами! Но трогать эти кушанья ни в коем случае нельзя! Не то погибнешь!

Как ни странно, Дариору об этом не говорили. Вся эта история немало его забавляла, чего нельзя было сказать о Лафосе. Бедный оруженосец трясся как осиновый лист и всё косился на проклятое дерево.

– Ну будет, будет! – сказал Дариор, пытаясь передать попутчику свой оптимизм. – Никто же нас не заманивал, ведь так? И никаких кушаний мы не трогали. К тому же дерево это повалено...

– В том-то всё и дело! – зашептал Лафос. – Повалено оно совсем недавно! Значит, дубовики ещё не успели далеко уйти и бродят где-то поблизости, голодные и озлобленные! Все знают, что нельзя подходить к только что срубленным дубам! Давайте скорее уйдём отсюда, пока нас не заметили!

Ещё раз перекрестившись, Лафос потащил коня прочь.

– Верх мракобесия, – пробормотал Дариор, ухмыльнулся и двинулся вслед за суеверным оруженосцем.

В результате разбили лагерь прямо около тропы, чтобы утром не заблудиться. Дариор улёгся на мешок с хлебом и уснул в ту же секунду.

Утро выдалось на удивление прохладным. Холодный ветер дул с севера, неся с собой жухлую листву. Дариор проснулся первым. Лафос лежал поодаль, накрывшись какой-то тряпичей, ёжился от холода и поминутно сучил ногами, будто собака, которой снится охота.

Немного размявшись прямо на земле, Дариор отправился к ближайшему ручью и хорошенько умылся. Вода была ледяная, пропитанная запахами гор. Она нещадно жгла лицо и шею, так что наместнику приходилось изо всех сил растирать кожу, дабы согреться. Наконец, с водными процедурами было покончено, и Дариор вернулся в «лагерь». Тут как раз и Лафос проснулся.

– Доброе утро, господин! – сказал он, сонно потягиваясь. Судя по умиротворённому виду, о дубовиках оруженосец давно забыл.

И тут Дариору пришла в голову превосходная идея. Вокруг валялось множество веток и сучьев, наломанных давешней грозой. Дариор отобрал два наиболее ровных и крепких.

– Ну-ка вставай, – приказал он.

Оруженосец несколько удивился такой поспешности, но поднялся без разговоров.

– Возьми палку.

Глаза Лафоса стремительно полезли на лоб.

– Сир, я...

– Бери!

Пожав плечами, Лафос взял дубинку и выжидательно уставился на господина.

– Бей меня, – спокойно приказал Дариор.

Оруженосец изумлённо раскрыл рот и даже отступил на шаг:

– Не ослышался ли я, господин? – испуганным шёпотом спросил он. – Вам, верно, всё ещё нездоровится. Давайте вернёмся в замок...

– Руби меня! – прикрикнул Дариор, теряя терпение.

Однако не помогла и властность командирского голоса. Лафос зажмурил глаза, отбросил сук, а потом и вовсе бухнулся на колени и начал что-то судорожно лепетать: то ли проклятия, то ли снова молитвы.

Пришлось пускаться в объяснения. Прежде всего наместник поднял оруженосца с колен и велел поднять с земли дубинку. Потом взял в руки свою и вкрадчиво пояснил:

– Это тренировка, понял? Ты атакуешь – я защищаюсь. Дошло? Хочу немного размяться.

Лафос просветлел лицом и с готовностью встал в атакующую стойку: ноги на ширине плеч, левая рука впереди, правая с дубинкой отведена назад для удара. Пару секунд Лафос прицеливался, а потом стремительно бросился в атаку, обрушив на историка каскад хлестких ударов.

Ещё до тренировки Дариор решил, что будет стоять не двигаясь, ровным счётом ничего не предпринимая. Только тогда удастся понять, работают ли навыки наместника автоматически или же вчерашнее спасение было невозможным чудом.

И вот, когда Лафос бросился на него, Дариор вытянул руки по швам, зажмурился и даже не сдвинулся с места. Было бы логично, если б сук оруженосца разбил его голову пополам, однако чудо (если это действительно чудо) повторилось вновь. Рука наместника непроизвольно дёрнулась и чередой лёгких, даже ленивых движений отбила серию мощнейших ударов. При этом историк не потерял равновесия, а Лафос пролетел по инерции вперёд, споткнулся о корягу и упал лицом в грязь.

Вывод: душа историка переместилась в тело средневекового рыцаря Дариора де Рено, боевые навыки которого были настолько отточены, что не исчезли даже после такой пертурбации, как смена душ. Выходит, опасаться нечего: выживать одному в этом мире не придётся. В историке теперь всегда будет присутствовать часть Дариора де Рено.

Однако это не единственный вопрос, который нужно было разрешить посредством жёсткого спарринга.

– Брось дубину, – приказал Дариор и, подавая пример, отбросил свою, – теперь бей меня. Кулаками.

Кажется, энергичного Лафоса немало воодушевляли эти прихоти наместника. В его глазах разгорался правильный задорный огонёк, а щёки покрылись азартным румянцем.

Разбежавшись, оруженосец подлетел к Дариору и с деревенским криком «э-эх!» размахнулся мельничным ударом. И тут началось одно разочарование. Вместо обычного нырка у Дариора вышло какое-то неуклюжее движение, наподобие разухабистой присядки. В результате кособокий удар Лафоса пришёлся точно по уху наместника.

Оруженосец, разумеется, сразу же принялся извиняться, но было видно, что он чрезвычайно доволен собой.

Не на шутку разозлившись, Дариор попробовал себя в атаке, но и тут не сыскал успеха. Даже обычный джеб получился долгим и неточным. Ну а кросс правой и вовсе пролетел мимо прыткого оруженосца. Более того, ноги Дариора поехали по влажной земле, и он, чуть не сев на шпагат, беспомощно завалился набок.

Дальше историк решил не позориться. Стало ясно: все его прошлые навыки улетучились и сменились новыми. Теперь он не умеет боксировать, зато виртуозно действует мечом. Вероятно, сейчас он не сможет проехать на автомобиле и пяти сажений, зато прекрасно управляется с лошадью. Более того, он стал куда медленнее и вальяжнее, зато намного выносливее.

То есть умения, делающие честь джентльмену в XX веке, сменились необходимыми навыками, присущими шевалье конца XIV столетия.

Плохо это или хорошо, решать не к спеху. Время само покажет.

Только к вечеру усталые путники, обогнув прорезавшую крутой склон расщелину, снова углубились в густой лес и вскоре упёрлись в торфяные болота.

Лгал Мишель, когда говорил, что через них *трудно* пройти. Пройти было *невозможно*! Мутно-зелёная вода брала начало у корней дубов и простиралась повсюду, куда доходил взгляд. Узкая лесная тропа упиралась в болота и, верно, продолжалась где-то на другом берегу. Остальная её часть была затоплена водой и покрыта ряской. Кроны могучих деревьев нависали с неба, словно необъятное листовое покрывало. Потому на болотах стоял таинственный полумрак.

Мишель объяснил, что жители фактории прячутся за этими болотами как за неприступной стеной. Это природное укрепление оберегало их от врагов и хищных зверей, коих в округе водилось несоизмеримое множество. Однако иногда Тибо де Лаваль посылает на другой берег разведчиков и охотников. Они передвигаются на плотах.

Посему путникам было просто необходимо их дождаться – ведь другого способа добраться в факторию не существовало. Можно, конечно, попробовать пойти вброд. Однако, глядя на огромное, затянутое туманом пространство вокруг, Дариор понимал, что лучше сразу по-японски сделать харакири (благо и стилет есть), нежели тонуть в этой бескрайней трясине.

Можно было попробовать самим соорудить плот, благо поваленных деревьев и веток вокруг хватало. Но и тут наместник не стал делать опрометчивых решений. «Если разбойники до сих пор не добрались в факторию по воде, – сказал себе он, – то и нам этого делать не следует». Вероятно, на противоположном берегу круглые сутки дежурят стрелки, которые незамедлительно откроют огонь по пришельцам, даже не здороваясь. Перспектива получить пулю Дариора ничуть не радовала. «То есть стрелу», – спохватился он и горько усмехнулся. Оставалось лишь ждать.

Шло время, и солнце неуклонно тянулось к горизонту. Если раньше на болотах было сумеречно, то теперь вокруг сгустилась истинная тьма. Задумчиво глядя куда-то вглубь топей, Дариор понимал, что ждать придётся ещё очень долго. Он сидел на земле в корнях исполинского дуба и водил по земле остриём стилета – рисовал своих знакомых: комиссара Мортена, лейтенанта Банвиля, Михаила Андреевича, Анастасию Николаевну...

Если первые трое вышли на славу, то «Настаси» никак не желала получаться. Она почему-то выходила у Дариора хмурой и курносой – не такой, какая она есть на самом деле. Впрочем, а какая она? По сути, Дариор ничего о ней не знал. В те редкие минуты, когда ему удавалось перекинуться с ней парой слов, она ничего о себе не говорила, а он малодушничал, опасался задавать прямые вопросы. В утешение можно сказать лишь то, что не он один оставался в неведении. О ней никто ничего не знал. Видимо, даже Смоленцев.

Вероятно, она родом из бывшего богатого дворянского семейства. Наверняка кто-то из близких пострадал от большевиков, может быть, даже погиб. А может быть, погибла вся её семья. Если честно, Дариору трудно было представить Анастасию Николаевну прячущейся за спинами родителей. Такая никогда ни у кого не попросит защиты. Из принципа, из внут-

ренной гордости. Вероятно, она прошла через многое, чтобы добиться привилегированного положения в ордене. Этакая суфражистка сделала бы честь большевистской партии, однако, к счастью, она по эту сторону баррикад.

Дариор раздражённо стёр половину лица девушки и принялся кропотливо выводить его заново. Тут-то и пришли болезненные мысли. Тогда, у вокзала, во время их последнего разговора Анастасия Николаевна говорила очень странные вещи. Дариору даже показалось сначала, что она его в чём-то обвиняет. В чьей-то смерти. Но в чьей? Возможно ли это? Да полно! Не стоит так трепетно относиться к случайным словам.

И всё же самоедство Дариора взяло верх, и он начал судорожно перебирать в памяти тех, кого убил, благо их было немного. Но никого, кто бы мог иметь хоть какое-то отношение к Анастасии Николаевне, он так и не припомнил.

В результате Дариор неимоверно разозлился на свою сентиментальность и аффектацию, вскочил и начал истово крушить парсунное творчество. Анастасию Николаевну он, впрочем, бережно стёр ладонью, будто погладил. А вот на Банвиля и Смоленцева пришёлся весь его необъяснимый гнев. Историк разбежался и принялся топтать ногами лица знакомцев. Вскоре от их благодушных физиономий остались лишь разбросанные повсюду клочки земли. Мортена топтать не пришлось – его соскребла копытом умная лошадь Дариора. Целиком портрет не пропал, а лишь исказился, отчего получалось, что комиссар будто переболел лепрой.

Вскоре вернулся Лафос. Он делал обход вокруг берега, дабы не пропустить людей с фактории. По его одновременно удручённому и раздражённому лицу было понятно: улова нет. Впрочем, улов как раз-таки был: оруженосец тащил в руках пронзённого стрелой зайца, а за спиной – охапку сухих веток.

– Я разожгу костёр, сир, – угрюмо заявил оруженосец.

– Нет, не разожжёшь, – спокойно возразил Дариор. – Мишель говорил, что эти леса кишат разбойниками. Жители фактории заперты на своём островке, окружённые со всех сторон смертельной опасностью. Враги повсюду, а мы на их территории! Не исключаю, что они прямо сейчас за нами следят – присматриваются. Так что разжигать костёр мы не будем.

Лафос задрал голову вверх, пожал плечами:

– Кроны сплетаются – дыма не будет видно.

– Дыма нет, а вот запах костра привлечёт сюда немало визитёров. Я сегодня не расположен к светским раутам.

– Чего? – изумился Лафос, очевидно, не поняв ни слова.

– Отложи пока беднягу-зайца и, если хочешь разнообразить своё меню, найди съедобные грибы.

Оруженосец растерянно заозирался. Дариор принялся со смехом объяснять:

– Ищи только те, которые можно есть в сыром виде. Это, разумеется, белые, сыроежки...

– Сир, я не понимаю! – Лафос беспомощно развёл руками.

Дариор так и не успел блеснуть кулинарными познаниями, потому как совсем рядом что-то внезапно хрустнуло, и в ствол исполинского дуба вонзилась стрела. Рыцарь и оруженосец полетели в разные стороны.

– Твою мать! – заорал Дариор совсем не по-рыцарски.

Лафос уже успел вскочить, и теперь оторопело таранился за спину господина. Дариор круто обернулся и обомлел.

Со стороны чащи на них полукругом надвигалась группа свирепых грязных голодранцев, которых и людьми-то назвать нельзя. Глаза их лучились азартным предвкушающим блеском, а руки сжимали дубины и ножи. Вероятно, это и есть те самые разбойники, о которых предупреждал Мишель. Подобрались через лес, пока два самонадеянных идиота непринуждённо беседовали! Бандитов было человек шесть-семь. Для револьвера или винтовки число смехотворное, вот только где их взять в чёртовом XIV веке?

Однако нападать лиходеи не спешили. Видно, понимали, что жертвам деваться некуда. И вправду, за спиной у путников лежало непроходимое болото. Бежать некуда.

Рядом коротко лязгнуло – это Лафос оголил короткий стилет.

– Как думаете, сир: эти люди хотят нас убить? – прошептал оруженосец, напряжённо озираясь.

– Нет, чёрт возьми, поздороваться пришли.

Пока враги не начали действовать, Дариор прикинул шансы. При полной экипировке они, пожалуй, смогли бы противостоять этим голодранцам. Но доспехов не было. Не было и мечей. На теле Дариора красовалась идиотская крестьянская рубака, а из оружия имелся лишь стилет. У Лафоса дело обстояло лучше: кроме стилета, у него был охотничий лук, а на спине висел полный колчан стрел. И всё же силы явно неравны. Оставалось лишь надеяться на недюжинную силу и виртуозные навыки несравненного Дариора де Рено.

Наконец, от цепи бандитов отделился здоровенный детина. Почесав косматую бороду, он заговорил низким голосом:

– Кто такие? Что тут забыли?

«Грибы ищем», – мысленно огрызнулся Дариор. Причём ничуть не соврал. Вслух же любезно произнёс:

– Мы следуем в факторию, что на болотах. Надеюсь, вы ничего не имеете против.

Вместо ответа детина спросил сам:

– Что вам нужно от старика Тибо, голодранцы?

«А, так это мы голодранцы?»

– Нас послал наместник замка Вильфранш с приказом к де Лавалю. Наместник хочет, чтобы жители немедленно покинули факторию и ушли, оставив всё серебро, – заискивающе пояснил Дариор, надеясь, что бандиты одобряют сие намерение. В их же интересах, чтобы ненавистные люди Тибо убралась куда подальше и оставили им несметные богатства.

Однако детине почему-то не понравились слова наместника. Он угрюмо покосился на своих товарищей и кивнул здоровенной башкой:

– Кончай их.

Бандиты немедленно оголили оружие и бросились в атаку. Началось!

Врагов оказалось всё-таки шестеро. Главарь остался позади, так что на путников неслось всего пять человек.

Взвыла тетива Лафоса – и бандитов стало на одного меньше: рыжий разбойник упал на колени, пронзённый стрелой в горло.

Выстрелить ещё раз Лафос не успел. Враги сблизилась, и началась битва не на жизнь, а на смерть. Двое бандитов сразу же кинулись на плечи Дариору – он не устоял и рухнул наземь. Лопухий блондин и плюгавый брюнет надели на него сверху. Первый, размахнувшись, ударил дубиной – Дариор с поразительной ловкостью увернулся. Второй чиркнул кинжалом, однако наместник цепко перехватил его запястье и уже не отпускал.

Лафосу приходилось не легче: его прижали к дереву двое разбойников и осыпали смертоносными ударами. Один лишь Бог знает, как оруженосцу удавалось их парировать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.